

РДЖНД БОЛЬШОЕ

РДКНД

Вадим Арагорьев

РДКНД. Большое 'О'

«Автор»

2026

Арагорьев В.

РДКНД. Большое 'О' / В. Арагорьев — «Автор»,
2026 — (РДКНД)

Убежище особого назначения Большое 'О' — место, где попытки понять и подчинить новую реальность и само время могут привести к необратимым последствиям. Продолжая искать брата, Данил вынужден погрузиться в ужасы и тайны, скрытые на каждом уровне и за каждой дверью 'О'. И когда кажется, что каждый шаг приближает его к цели, на пути возникают новые опасности, способные вновь Перевернуть Мир. Но Данил не один. Рядом с ним — друзья из «Ржавого Карнавала» и люди, которые становятся невольными союзниками в попытке выбраться из комплекса или остановить закованное в нём безумие. Пробираясь сквозь бесчисленные эксперименты, лаборатории и казематы, герои становятся участниками чужих замыслов — в надежде найти ответы, за которыми скрываются новые вопросы, и достичь целей, всё дальше ускользающих от них. В Большом 'О' даже выход может оказаться частью чужого расчёта, а проведенное время — ловушкой, из которой невозможно выбраться к той жизни, что была раньше.

© Арагорьев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Секретарь	10
Глава 2. Узники	20
Глава 3. Инцидент	32
Глава 4. Цикл	41

Вадим Арагорьев

РДКНД. Большое 'О'

Пролог

Во главе колонны шел Проводник. Он делал несколько шагов и останавливался. Сверялся с наручными часами и двигался вперёд, пристально следя за секундной стрелкой.

За его спиной шли двое, мужчина и женщина, обоим чуть больше сорока. Оба выглядели изнурёнными после долгого перехода. К спине мужчины ремнями был притянут тяжёлый железный ящик. Металл тёр плечи, оставляя красные полосы, а каждый шаг отдавался в спине тупой болью. Женщина шла налегке и по её лицу было видно, что силы уже на исходе.

Они двигались согласно протоколу, строго повторяя действия Проводника.

Этот маршрут он проходил уже не раз и дорогу знал наизусть. Проводник сверялся с часами и уверенно делал каждый шаг, потому что знал, цепь идёт по плану маршрута.

Как правило, выходить можно только в ясный день, когда на небе ни облачка. Но сегодня они шли в тумане, плотном и неподвижном, в нарушение правил построения цепи перехода. Белёсая мгла скрадывала очертания и делала мир тесным, будто за её пределами уже ничего не существовало.

Нарушение допускалось из-за ноши, которую мужчина тащил на плечах. Груз считался важным. Его ждали в Петербурге-6.

Проводник крепко держал путеводный посох. На вершине сияла зелёная лампа, её свет тускло расплывался в тумане, едва пробивая молочную пелену.

Лампа вспыхнула белым. Привал. Проводник присел на корточки, не отводя глаз от секундной стрелки. Мужчина рухнул на землю и едва не завалился назад под тяжестью груза. Женщина тут же подхватила его, крепко удерживая за плечи и не давая завалиться.

— Какой густой туман, — прищурилась женщина, в попытке различить в белесой пелене хотя бы какие-то очертания.

Она растирала мужчине плечи медленно и осторожно, словно хотела снять не усталость, а боль. Пальцы с заботой скользили под ремнями его тяжелой ноши, по напряжённым мышцам.

— Да к чёрту этот туман... Спина уже отваливается, — простонал мужчина. — Жанна, сколько ещё идти?

— Пятьдесят минут, — ответила Жанна, даже не взглянув на часы.

Мужчина в ответ только тяжело заохал и запрокинул голову.

— Эта штука с каждым шагом становится всё тяжелее.

Проводник не реагировал на путников и их жалобы. Он сидел на корточках и следил за секундной стрелкой, не оборачиваясь и не вступая в разговор. Его работа состояла в том, чтобы провести их по маршруту. Их работа заключалась в том, чтобы донести груз. Всё остальное не имело значения.

— Потерпи, Павлик. Ещё немного. Ещё чуть-чуть, — Жанна говорила тихо и ровно. — Давай понесу я?

— Нет, — сквозь зубы ответил Павел, и в этом коротком слове слышалось упрямство человека, который спорил уже не с ней, а с собственной слабостью.

— А что... хорошая идея, — в тумане раздавался хриплый голос с нотами усталости.

Следом за голосом медленно начала проступать фигура. Человек шёл прямо на них, будто давно заметил группу и теперь без спешки её догонял. Сначала в белой мгле маячил лишь размытый силуэт, потом он стал плотнее, яснее, и наконец из тумана вышел мужчина.

Проводник рывком поднялся и выставил посох перед собой. Жанна и Павел замерли, невольно прильнув друг к другу.

Туман клубился у ног незнакомца, прятал землю и размывал очертания, а сам человек шагал спокойно, с какой-то раздражающей уверенностью.

— Спокойно, спокойно. — Мужчина поднял руки и медленно развернулся на месте, показывая, что не вооружён и ничего не прячет.

На нём висел помятый серо-синий костюм, давно потерявший вид, а белая рубашка пожелтела и сбилась у воротника. На переносице сидели большие очки в дешёвой пластиковой оправе.

А за стёклами очков, путников разглядывали внимательные ярко-зелёные глаза.

Лицо у мужчины было бледное, усталое, с лёгкой небритостью и складками у рта, будто он давно не спал и уже отвык разговаривать с людьми без подвоха. Но при этом держался он удивительно свободно.

— Кто ты и что тебе нужно? — спросил Проводник. Голос из стандартной маски прозвучал глухо и с металлическим дребезгом.

— Меня зовут Эхо, — представился незнакомец странным именем. — Получилось так, что наши маршруты волею судьбы... или какой другой дряни совпали. Успокойтесь.

Проводник не опускал посох, продолжая держать Эхо под прицелом. Жанна настороженно смотрела на незнакомца, а Павел, не двигаясь с места, только сильнее выпрямился, будто готовился в любой момент рвануть вперёд или отступить назад.

— У меня нет желания причинять вам вред, — устало продолжал Эхо. — Вы и так в полной заднице.

Он всё ещё держал руки поднятыми и стоял в нескольких метрах от группы.

— Что тебе нужно? — повторил Проводник, крепче перехватив посох.

— Да так... одним предложением не расскажу, — Эхо медленно опустил руки, снял очки и протёр их краем пиджака.

Движение было спокойным, почти бытовым. Надев очки обратно, он отдёргнул левый рукав и посмотрел на часы. Это были не Порядковые, какие носили жители Системы Центральных Убежищ, а самые обычные.

Потёртый ремешок плотно обхватывал запястье, стекло тускло блеснуло в сыром свете. При виде этих часов Проводник напрягся ещё сильнее.

— У нас осталось всего пятнадцать минут. Мало. Этого явно недостаточно, чтобы рассказать вам, что мне нужно, — Эхо засунул руки в карманы и внимательно оглядел путников. — Поэтому расскажу кое-что другое. Это важно. Предлагаю внимательно меня выслушать. Идёт?

Проводник, не заметив немедленной угрозы, опустил посох чуть ниже, но всё ещё был настороже. Жанна и Павел молча наблюдали за незнакомцем, не вмешиваясь и стараясь не делать резких движений.

Эхо не казался опасным, но и доверия не внушал. В его спокойствии чувствовалось что-то неприятное, будто он знал больше, чем должен, и именно это заставляло относиться к нему с ещё большей осторожностью.

Проводник в ответ кивнул.

— Итак, — Эхо прокашлялся в кулак. — Вот уже семь лет в Системе Центральных Убежищ Петербург-N, в так называемых разговорах на кухнях, ходит одна байка. Вы её, к сожалению, не слышали.

Путники внимательно следили за ним. Эхо говорил неторопливо, будто заранее выстроил в голове каждую фразу и не хотел тратить ни одного слова впустую.

— Как-то на маршрут вышла группа. Обычный маршрут, проверенный. Проводник знал его досконально. Переход небольшой, часа три. Пустяки.

Эхо повернулся и начал медленно ходить из стороны в сторону, будто вымеряя шагами темп собственного рассказа. Туман вокруг него чуть заметно шевелился, расплзался по земле, цеплялся за ботинки, а сам он продолжал говорить всё тем же ровным, хрипловатым голосом.

— Но случилось так, что эта группа пропала. Бесследно. Просто растворилась. Конечно, отправили отряд Спасителей. Те долго искали хоть какую-то зацепку, хотя бы намёк. Но без результата.

Эхо сделал короткую паузу и снова прокашлялся.

— Этот маршрут на всякий случай закрыли. Но как-то рядом с ним проходила другая группа. Её вёл Проводник-24. Легенда. Думаю, вы о нём слышали. И вот он, идя по своему маршруту, почувствовал аномалию.

Путники слушали, ещё не до конца понимая, к чему он ведёт, но теперь не отрывали от него глаз. Даже Павел, до этого державшийся настороженно и глухо, смотрел на Эхо с напряжённым вниманием.

— Он увидел следы, которых там быть не должно. Проводник сделал нужные замеры, поставил путевые метки... или что там принято. В общем, отвёл свою группу, а потом вернулся туда один.

Эхо обвёл взглядом лица путников, будто проверял, дошёл ли до них смысл сказанного, а затем произнёс тише и отчётливее:

— И увидел пропавших.

Он внимательно посмотрел на каждого.

— Люди шли как ни в чём не бывало. По своему маршруту. Даже не подозревали, что прошли годы и их давно считают погибшими. Двадцать Четвёртый снова увидел тех, кто шаг за шагом повторял одно и то же, в точности воспроизводя свой путь.

Павел нахмурился. Таня прикусила губу. Проводник сделал шаг назад.

— Группа попала в петлю. Такую воронку, когда время повторяется, но с каждым тактом его становится все меньше и меньше. — Эхо пнул камешек, попавший ему под ступню. — И теперь уже почти восемь лет они ходят одним и тем же маршрутом, думая, что вышли они два часа назад, а через час дойдут до нужного места.

— К чему вы это? — спросил Павел. — Зачем вы это рассказываете?

— Мне кажется, ваш Проводник-802 сможет дать ответы на эти вопросы.

Все взгляды обратились к Проводнику. Тот стоял и тяжело дышал.

— Ты знал, что вы в аномалии, но не знал, в какой. Так? — спросил Эхо.

Проводник молчал.

— Ну, если кто не понял, — тяжело вздохнул Эхо. — Вы та группа. Это вы в петле. Это вы никогда не дойдёте до конца.

Жанна побелела. Павел, наоборот, отмахнулся, не веря в эту чепуху.

— Хорошо, если мы в так называемой «петле», то зачем вы в неё полезли?

— Так я-то из неё вылезу. В отличие от вас, — как ни в чём не бывало сказал Эхо, будто речь шла о мелочи.

Путники не доверяли незнакомцу. Жанна наклонилась к уху Павла и шепнула что-то про сумасшедшего.

— Уходи, — прорычал Проводник.

— Вы, конечно, мне не верите, — Эхо посмотрел на часы. — Но у нас осталось всего десять минут. Давайте сразу к делу. Мне надо, чтобы вы добровольно отдали мне груз.

Он указал на железный ящик на спине Павла. Таня дёрнулась, будто её ударили током. Проводник медленно подошёл к Паше и встал так, чтобы заслонить его собой.

— Уходи! — повторил Проводник, срываясь на крик.

Эхо устало вздохнул.

— Ты Проводник-802. Тебя зовут Николай Карпов. Родился в Петрозаводске, работал в МВД, дослужился до майора. Потом мир перевернулся — и ты стал Проводником. Не женат. Детей нет.

Эхо повернулся к Жанне.

— Жанна Стоянова. Тридцать девять лет. Родилась в Петербурге, на Петроградской стороне, в коммуналке. Выучилась в СПбГУ на химика. Работала не по профессии. После Переворота оказалась в убежище Петербург-2, где встретила...

Он перевёл взгляд на последнего участника группы.

— Павел Стоянова. Инженер. Окончил Вышку, потом работал программистом в модной компании. В Петербурге-2 продолжил работу уже на СЦУ и женился на Жанне. Детей вы так и не завели — боялись. Это понятно.

Эхо повернулся боком к ошеломлённым путникам.

— И вот вам внезапно доверили донести до Петербурга-6 что-то, что вы даже не знаете что, — он на миг замер. — Это уже далеко не первая моя попытка забрать у вас груз. Поверьте, чего я только не пробовал...

Раздался выстрел. Павел и Жанна вскрикнули. Проводник, стоявший перед ними, рухнул на землю, как тряпичная кукла. Ещё один выстрел — и завопил Павел, хватаясь за правую ногу. На серой ткани комбинезона расплывалось багряное пятно.

— Следующая будет уже в твою голову, если вы добровольно не отдадите мне груз, — не меняя холодного тона, проговорил Эхо.

В его руке темнел револьвер, а от ствола тянулась тонкая струйка дыма.

— Поверь мне, я уже забирал силой, — Эхо снова посмотрел на часы, сплюнул и процедил: — Шесть минут. Отдайте мне добровольно.

Жанна не знала, что делать. Она металась между мужем и мёртвым телом Проводника, пытаясь зажать рану, остановить кровь, удержать себя в реальности. Ужас сковал её так, что пальцы перестали слушаться.

— Быстрее, времени нет. Рана сквозная.

— Но... зачем? — сквозь боль, сквозь сжатые зубы произнёс Павел. — За что вы так?

— Нет, нет и нет, — покачал головой Эхо, не спуская взгляда с секундной стрелки. — Груз.

Выстрел. Павел схватился за вторую ногу.

— Не заставляй меня больше стрелять.

— Павлик! Оно того не стоит, пусть забирает! — сквозь слёзы проговорила Жанна, уже вся в чужой крови, не понимая, где кончается одно и начинается другое.

Павел, пытаясь вытерпеть боль, закивал.

— Быстрее, — удовлетворённо сказал Эхо. — Сам ящик мне не нужен. Достань содержимое.

Жанна трясущимися руками потянулась к замкам, но ногти соскальзывали с металла.

— Быстрее! — крикнул Эхо.

Девушка собралась, сделала глубокий вдох — и крепления на ноше мужа поддались. Ящик раскрылся, обнажая тяжёлый армированный каркас, защищающий внутренность.

Внутри лежала небольшая алюминиевая коробочка — размером с мячик для настольного тенниса.

— Давай сюда.

Жанна бросила её — лёгкую, почти невесомую. Эхо протянул руку и спокойно перехватил.

Довольный собой, он убрал револьвер и двинулся в сторону, откуда пришёл.

— Жанна, задумайся, — не оборачиваясь, проговорил Эхо, растворяясь в тумане. — Если бы я выстрелил в тебя, твой муж не отдал бы мне эту вещь. Проверено.

Эхо шёл сквозь туман. Позади ещё слышались стоны Паши и причитания Жанны. Маленькая коробочка лежала в ладони, холодила пальцы. Шаг за шагом он отмерял расстояние — ровно, без спешки. Голоса за спиной становились всё тише и тише, пока не исчезли совсем.

Эхо остановился.

Развернулся на месте и замер, не шевелясь. Просто стоял и ждал, вглядываясь в серую молочную пустоту. Туман вокруг казался плотным, как ткань: съедал звук, прятал движение, оставлял только ожидание.

Прошло минут тридцать. Эхо стоял, как статуя, не отводя взгляда от места, откуда пришёл.

И вдруг в гуще тумана замаячил еле заметный зелёный огонёк. Он становился ярче, приближался, обретал форму — и затем остановился. Свет мигнул и стал белым.

— Какой густой туман, — услышал он голос Жанны.

Эхо ловким движением открыл коробочку и заглянул внутрь. Улыбка медленно расплылась по его лицу. Захлопнул крышку. Он убрал коробочку в нагрудный карман мятого пиджака.

Насвистывая мелодию, Эхо развернулся и снова растворился в тумане, оставляя застрявших в петле путников позади.

Над Эхо возвышались переломанные временем остатки города. Мужчина стоял и внимательно смотрел перед собой, засунув по обыкновению руки в карманы и иногда почесывал нос.

Перед ним тянулась длинная стена из красного кирпича, уходящая к горизонту. Местами кирпич потрескался, местами вывалился, но даже в своем разрушении сохранял монолитный порядок. Ровная, непреступная линия, которой плевать на время.

Эхо наблюдал, что-то считал в уме. То хмурился, морща лоб, то тяжело вздыхал, то вдруг усмехался, будто слышал в голове чужую реплику. Со стороны могло показаться, что он ведёт диалог сам с собой. Так тянулся час за часом, пока он наконец не сделал шаг навстречу стене.

Посреди кирпича скрывалась маленькая ржавая дверь — почти незаметная. Эхо подошёл ближе и осторожно положил ладонь на холодный металл, покрытый тонкой изморозью.

Потом отступил на шаг, поднял взгляд вверх и тяжело вздохнул.

— Еще бы тысячу лет тебя не видеть, проклятое всеми людьми и богами, Большое, мать его, 'О'.

Глава 1. Секретарь

Пятеро путников уже шесть часов сидели в тесном помещении, которое ничем не напоминало стандартный вход в типичное центральное убежище.

Двери, через которые они вошли, закрылись за их спинами беззвучно, будто намертво. Электронный голос, не выражая ни тревоги, ни дружелюбия, предложил им расположиться в креслах по бокам комнаты у стен «А» или «Б».

Голос настоял следить за двумя циферблатами над дверью напротив. Люди следили.

Один циферблат отсчитывал секунды в привычном ритме — ровно и неумолимо. Второй двигался иначе, слегка запаздывая. Когда они впервые взглянули на него, стрелка отставала на пятнадцать секунд. Спустя шесть часов разрыв сократился до трёх.

Когда часы синхронизируются дверь внутрь комплекса должна открыться, сказал голос.

Тишина наполняла комнату. Даже редкие шорохи и дыхание звучали приглушённо и неестественно. Никто не говорил. Люди следили за стрелками, выжидая момент совпадения.

Кроме одной девушки. Она была младше остальных.

Сидя в стороне от группы, девушка пыталась хоть чем-то занять себя, бессознательно тыкая пальцем в экран Порядковых часов. Снова и снова она читала одну и ту же информацию о себе, как будто за это время могло что-то измениться.

Чуть ниже, на запястье, располагались ещё одни часы. Не такие, как её обычные — новые, странные, выданные на выходе из её дома, из Центрального Убежища Петербург-6.

Такие были у каждого, кто находился в этой комнате.

Девушка машинально провела пальцем по холодному металлу, глядя, как на циферблате беззвучно отсчитываются секунды.

Закусив нижнюю губу, она осторожно коснулась пальцами циферблата.

Экран засветился. Ещё секунда — и она бы кликнула на иконку с изображением восклицательного знака, но в следующий миг её палец дернулся назад.

— Анна Семёновна, пожалуйста, не используйте Матричные часы вне рабочего процесса. Спасибо. — Остановил её электронный голос из динамика.

Аня откинула голову назад, развалилась в неудобном кресле и уставилась в потолок. Холодный металл был покрыт мелкой перфорацией, узоры казались хаотичными, но взгляд всё равно пытался найти в них скрытый порядок.

Ей снова стало скучно.

Однако мысли быстро ускользнули в другую сторону — к тому, что она здесь делает и зачем вообще согласилась на всё это и соглашалась ли.

Почти год Аня проработала в одном и том же отделе, занимаясь бесконечной сверкой документов. Её дни проходили за однообразной работой: переключивание бумажных отчётов, сверка данных в цифровых реестрах, проверка подписей, сортировка архивов.

Она следила за тем, чтобы все данные совпадали, чтобы ни одна деталь не ускользнула из общей системы, и этот монотонный процесс со временем стал невыносимым.

Работая в отделе со своими друзьями Лёшей и Таней. Ей становилось слегка проще. Они не просто работали вместе, но и умудрялись находить редкие моменты, когда можно было немного отвлечься от этой бесконечной рутины.

Иногда удавалось украдкой, перекинуться парой фраз о некоторых подпольных и запрещенных вечеринках, которые можно было устраивать в тайне от всех.

Родители Ани работал в администрации Центрального Убежища Петербург-6 и устроили так, чтобы её приняли на новую работу в рекордно раннем возрасте.

Аня не задавала вопросов. Просто приняла это как данность, лишь бы отвязались.

И вот, всего два дня назад, когда она вернулась из очередного рутинного задания, родители встретили её с «хорошей новостью». Теперь у неё новая должность, новая группа и особый проект.

По их словам, ей выпал редкий шанс попасть в элиту — в число тех, кто действительно важен. Ей светила работа только для лучших, для тех, кто доказал свою ценность.

Всего один маршрут и, как уверяли родители, её тут же повысят и переведут в высокую администрацию Петербурга-6.

Переход через внешние сектора разочаровал её.

Девушка ожидала чего-то большего. Какого-то знака, что пересекает невидимую грань, что вступает во что-то новое, но ничего не изменилось. Та же серость.

Их вёл Проводник-1943. Он тоже не произвёл впечатления.

Молчаливый, он шёл впереди, держа в руке свой посох, периодически сверяясь с данными. Он не пытался что-то объяснять, не обращался к ним, не смотрел назад. Просто шагал вперёд.

Этот маршрут отличался от того, что она слышала от тех, кто когда-либо бывал вне стен убежищ.

Они говорили, что маршруты между убежищами — это система, чётко отработанная сеть туннелей, дорог и переходов, созданная, чтобы поддерживать порядок. Что улицы, по которым идут цепи людей, давно изучены, что каждый поворот и каждое здание в них учтены, внесены в реестр.

Вместо открытых улиц они двигались сквозь десятки переплетённых между собой зданий, проходов и коридоров, образующих хаотичный лабиринт.

И вот, спустя пять часов движения, команда добралась до странного убежища.

Железная дверь в центре стены из красного кирпича. Ни окон, ни вывесок, ни единого намёка на то, что это за место. Только гладкая поверхность металла, вмурованная в кирпич, и лёгкий запах сырости из-под порога.

Проводник-1943 не вошёл вместе с ними. Он лишь молча приложил свои часы к валидатору, заставив замок щёлкнуть и дверь медленно отворилась.

Без слов, без инструкций, без единого взгляда он развернулся и ушёл обратно.

А они остались. В этом помещении, где вот уже шесть часов сидели, наблюдая за стрелками циферблатов.

Аня лениво наклонила голову и её взгляд зацепился за еле заметное накарябанное слово на железной стене.

— Семья. — Прочитала она вслух, чуть закашлявшись. Девушка тяжело вздохнула, совершенно не понимая зачем оно тут и для кого оно предназначено. И выбросив, и эту мысль, вновь уставилась в потолок.

И когда уже Аня готова была лезть от тоски на стены, над входом в который они вошли, начала мигать оранжевая лампа.

— Просьба всех занять место у стены «А». — Прокомандовал без эмоциональный голос из динамика.

Только двое из пятерых сидели напротив под буквой «Б». Повинуясь приказу, они соскочили со своих мест, и заняли свободные сиденья на противоположной стороне.

Дверь медленно отворилась, с тихим скрипом поддаваясь механизму замка. В проёме появился Проводник.

Но не тот, что привёл их сюда.

Он был один. Запылённая, местами потёртая брезентовая накидка тускло отсвечивала в свете лампы, её края слегка задевали пол. На поясе висел сложенный стандартный посох.

В одной руке он сжимал небольшой свёрток, аккуратно завернутый в плотную, потрёпанную ткань.

Проводник шагнул вперёд, окинул комнату быстрым, оценивающим взглядом, скрытым за чёрными линзами маски. Его взгляд задержался на каждом из присутствующих, но ни один мускул не дрогнул, не выдал эмоций.

— Проводник-2042. Займите место у стены «Б». — Вновь раздался голос из динамика.

Проводник-2042 отвернулся и сел напротив Ани и ее группы, выбрав место прямо перед девушкой.

Аня выпрямилась, поправила две косички, которые, как ей казалось, заплетала с самого рождения и которые иногда ее жутко раздражали, и с интересом начала разглядывать гостя. Проводник хотя бы ненадолго мог отвлечь её от бесконечного ожидания и однообразия комнаты.

На первый взгляд он был обычным. Тяжёлые ботинки, тёмный местами испачканный комбинезон, стандартная экипировка, которой снабжали всех Проводников. Те же движения — размеренные, спокойные, будто заранее просчитанные. Но что-то всё же не давало покоя, и Аня не сразу поняла, что именно.

Она всмотрелась внимательнее.

На груди не было ни единой нашивки, ни знаков отличия, которыми обычно увешивали себя Проводники. Не было отметок маршрутов, никаких символов или наград, которыми они, пусть и негласно, обозначали свой статус. Только цифры, его номера: «2042».

Но больше всего её поразило не это.

На запястьях и ладонях Проводника поблёскивали чёрные металлические браслеты. Они выглядели массивными, но не грубыми, плотно прилегая к коже. Если приглядеться, можно было заметить, как по их поверхности пробегала тонкая, едва заметная красная линия.

Проводник повернулся к Ане. Он лениво покрутил плечами, разминая их, затем медленно наклонил голову, будто избавляясь от напряжения в мышцах.

Из-за чёрных линз маски невозможно было понять, действительно ли он смотрит на неё или просто сидит, погружённый в свои мысли. Отсутствие явного внимания обычно её не беспокоило, но сейчас что-то в его молчаливой позе заставило её смутиться.

Аня слегка дёрнула головой, задавая безмолвный вопрос: «Что?»

В ответ никакой реакции.

Она почти выдохнула с облегчением, решив, что он просто отдыхает после перехода, но в следующий момент Проводник едва заметно повёл головой из стороны в сторону.

Не резко, не угрожающе — медленно, будто осматривая её. Аня снова напряглась, теперь она чувствовала, что он ее изучает в ответ.

Аня улыбнулась. Точнее, натянула улыбку — вымученную, почти машинальную, просто чтобы проверить, последует ли какая-то реакция.

И ответ не заставил себя ждать.

Проводник, всё это время сжимавший в руках загадочный свёрток, вдруг едва заметно пошевелился. Он медленно оторвал одну руку от ткани, поднял её и без лишних движений, выставил вверх большой палец так, чтобы видела только она.

Их безмолвный диалог продолжился.

Аня сначала посмотрела ему в глаза — или туда, где они должны были быть за линзами маски. Затем медленно перевела взгляд на свёрток в его руках, задержалась на нём на секунду и так же медленно вернулась обратно, вопросительно приподняв одну бровь.

Проводник не ответил сразу. Вместо этого он слегка наклонил голову, будто раздумывая, а потом вдруг, без лишних движений, пригрозил ей указательным пальцем.

Аня нахмурилась, но тут же заметила, как его плечи едва заметно дёрнулись. Ему это казалось забавным.

Она не смогла сдержаться и впервые за всё время улыбнулась по-настоящему — чуть прищурив глаза, легко, без натянутости.

Раздался звуковой сигнал, и комнату залил зелёный свет. Незаметно, почти беззвучно, стрелки часов над дверью наконец-то совпали.

Группа, расположенная у стены «А», тут же подскочила, готовая к выходу. Аня и Проводник-2042 остались сидеть на местах.

Двери с тихим шипением разошлись в стороны. В помещение шагнули трое Псов.

От них веяло холодом — не физическим, а каким-то глубинным, оседающим под кожей. Их тяжёлые шаги отдавались в воздухе мерными звуками. Движения были выверены, точны, без лишних жестов, будто каждый из них следовал за заранее прописанным сценарием.

Ожидающие застыли.

Один из Псов вытянул руку, раскрывая ладонь — жёсткий, безмолвный приказ не шевелиться. Люди мгновенно подчинились, как по команде, без возражений рухнув обратно на свои места.

Двое других подошли к Проводнику. Тот медленно поднялся, без спешки, без намёка на протест.

Один из Псов выхватил у него из рук свёрток, даже не посмотрев, что в нём. Второй, сжимавший короткую дубинку, без предупреждения нанёс несколько быстрых ударов — по локтям и по ногам.

Проводник-2042 молча развёл руки в стороны, а ноги расставил на ширину плеч.

Его тут же начали обыскивать. Ловкие, выверенные жесты — без лишней суеты, но с очевидной уверенностью в своей власти. Один из Псов коротким знаком приказал: руки за голову, шаг вперёд.

Аня замороженно наблюдала за этим ритуалом. Она никогда не видела ничего подобного. Проводников уважали, кто-то боготворил их, кто-то просто не замечал, но о них почти всегда говорили с почтением.

То, что происходило сейчас, было другим.

Проводник подчинился и пошел вперед. Поворачиваясь к двери, он еле заметно наклонил голову. Ане показалось, что он сделал это специально, чтобы они встретились глазами.

Даже сквозь линзы, ей показалось, что он ей подмигнул.

Как только процессия покинула комнату, третий Пёс, до этого неподвижно стоявший перед напуганными людьми, коротко задержался, будто что-то обдумывая. Затем, не произнеся ни слова, развернулся и молча последовал за своими.

Дверь за ними закрылась, оставляя в комнате только их — группу, внезапно ставшую свидетелями чего-то, что, возможно, им не стоило видеть.

— Здравствуйте и добро пожаловать в Убежище особого назначения «Большое 'О'».

На пороге их встретил мужчина в сером комбинезоне. Возраст угадывался по лёгкой седине на висках, но осанка оставалась ровной, движения — уверенными, а выражение лица не допускало сомнений: перед ними стоял человек, привыкший командовать.

Выправка, жёсткие черты лица, твёрдый, волевой подбородок — всё в нём говорило о дисциплине. О том, что возражения здесь неуместны.

— Меня зовут Игорь Иванович. Я старший комендант комплекса «Большое 'О'». Потому процедура обращения такова: «товарищ Старший Комендант». Вам всё ясно?

Люди переглянулись между собой и неуверенно закивали в ответ.

Аня в этот момент думала совсем о другом. Она пыталась понять, что взбрело в голову родителям, когда они решили отправить её именно сюда.

— Отлично. Тогда пройдемте. — Игорь Иванович развернулся на месте резко, выверено, без лишних движений. — В течение следующих пятнадцати минут, по прибытии, я проведу инструктаж о правилах поведения в нашем дружном и слаженном коллективе.

Последнее, наверное, было шуткой, подумала Аня, торопясь догнать остальных.

Комендант двигался с военной точностью — без широких шагов, без явного ускорения, но с такой скоростью, что никому не удавалось его догнать или идти в ногу.

Пытаясь не отстать, Аня с любопытством оглядывалась по сторонам.

Это место совершенно не походило ни на одно из убежищ, о которых она слышала. Обычно каждое убежище представляло собой комплекс старых зданий, объединённых переходами, а иногда даже имело выходы на улицу, скрытые под массивными стеклянными куполами.

Везде были доки для регистрации, часы, камеры наблюдения, строгая система зонирования, разделяющая население по категориям. В таких местах всегда ощущалась организация, контроль, порядок.

Здесь всё было иначе.

Они двигались по длинному коридору с низким потолком. Стены до половины покрывала зелёная краска, ровно нанесённая неторопливой рукой. Верхняя часть же была несколько раз побелена, местами неровно, с видимыми потёками, будто её спешно обновляли и не заботились о деталях.

Тусклый жёлтый свет едва разгонял густую тень. Ни единого окна. Только сплошной ряд запертых дверей, каждая с массивной ручкой и пронумерованной табличкой.

По потолку тянулись сотни толстых проводов, сплетаясь в тяжёлые жгуты, уходя в стены и вентиляционные шахты. Время от времени какие-то из них расходились в стороны, теряясь в металлических коробах, закреплённых прямо над головами.

Резко остановившись у одной из дверей, комендант вытащил из нагрудного кармана ключ-карту и плавно поднёс её к замку. Раздался короткий щелчок, замок мигнул зелёным, и дверь с лёгким скрипом приоткрылась.

— Проходить строго по-одному. — Голос Игоря Ивановича был ровным, но с железными нотами приказа.

Старший комендант внимательно наблюдал за каждым входившим, его взгляд был холодным, оценивающим, словно он запоминал не только лица, но и мельчайшие детали — осанку, выражение, колебания в движении.

Когда последним в комнату вошёл сам комендант, дверь за его спиной плотно закрылась.

Помещение оказалось небольшим, полутёмным. Узкие ряды металлических стульев выстроились перед гладкой серой стеной. Освещение было приглушённым, словно здесь изначально не предполагалось яркого света.

— Занимайте места. — Вновь отдал команду комендант, чуть наклонив голову.

Люди расселись, осторожно, без возражений. Воздух в комнате казался спёртым, наполненным слабым запахом пыли.

Когда все заняли свои места, Игорь Иванович шагнул к противоположной стене. Достав из кармана небольшой пульт и без лишних слов нажал на кнопку.

Послышался короткий щелчок.

На мгновение ничего не происходило, а затем в полумраке вспыхнул проектор. Луч света прорезал темноту, отбрасывая на стену первые кадры.

— Закрепим. Приветствую вас в Убежище особого назначения «Большое 'О'».

Комендант встал, широко расставив ноги и вытянув руки вдоль тела.

— От лица всего коллектива Убежища и руководства Системы Центральных Убежищ, прошу вас принять благодарность, поздравления и уважение к вашему опыту и заслугам перед Системой Центральных Убежищ и ее гражданами.

Проектор вспыхнул, и на экране появилось черная литера «О» на белом фоне.

Аня почувствовала, как внутри всё рухнуло. Её пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Она не знала, что скажет родителям, когда увидит их, но знала одно — это место ей не нравилось. Ей хотелось кричать, но она лишь стиснула зубы, скрывая раздражение за спокойным выражением лица.

— Вы удостоены великой чести — внести свой вклад в проект, который сделает и без того безупречную Систему Центральных Убежищ ещё лучше.

На экране сменился кадр. Теперь там был знак вопроса.

— Но чтобы это сделать, необходимо сохранять тишину и строжайшую секретность. Всё, что вы увидите здесь, не должно покинуть стены нашего комплекса и ваши головы.

Очередное нажатие кнопки — на экране появился знак решётки.

— Любое нарушение «режима тишины» карается принудительными работами в процедурных Убежищах сроком от десяти лет, в зависимости от тяжести сказанного, либо действий совершенных вами.

Аня почувствовала, как в комнате на секунду стало тяжелее дышать. Её взгляд медленно скользнул по остальным. Никто не шелохнулся.

Следующий кадр — лампочка.

— Наверняка, у вас возник вопрос — что происходит? — голос коменданта прозвучал сухо, почти отстранённо. — И это правильный вопрос. Позвольте мне ответить на него, прежде чем вы попытаетесь ответить сами.

Он нажал кнопку, и экран вновь вернулся к изображению решётки.

— В противном случае вас ждут принудительные работы.

Опять лампочка.

— Светлые умы Системы Центральных Убежищ день и ночь, не покладая рук, строят будущее для наших сограждан, для наших детей и внуков. Это их основная задача, и ради неё они готовы положить свои жизни.

Комендант медленно обвёл взглядом собравшихся, задерживаясь на каждом, будто хотел убедиться, что его слова дошли.

— Иногда вам может показаться непонятным то, что вы здесь увидите.

Он сделал паузу, позволяя словам повиснуть в воздухе.

— Ваша задача — не обращать внимание. И зафиксировать себе, что это не вашего ума дело.

В этот момент его взгляд остановился на Ане.

— Возможно, в комнате ожидания, вас удивили действия агентов Протектората Единства Системы.

Голос Игоря Ивановича оставался ровным, но в нём сквозила лёгкая нотка предупреждения.

— Но это стандартная процедура для некоторых наших сотрудников, которые приходят из внешнего мира. Обращать на неё внимание — совершенно не стоит.

Последние слова прозвучали чётко, размеренно, без тени сомнений, как неизменное правило, которое не требует объяснений. У Ани на миг возникло чувство дежавю, слова коменданта были дежурной отговоркой, подобной той, когда она спрашивала отца о вещах, которые тот не желал обсуждать.

Следующий кадр — восклицательный знак.

— Основные правила. — Он прокашлялся в кулак. — Вы будете размещены в Первом уровне, блок «Б». Там вам предоставят комнату на пять человек. В конце инструктажа я выдам вам ключ-карты, наподобие этой.

Он вытащил карту из нагрудного кармана и демонстративно поднял её вверх, чтобы все могли рассмотреть.

— Каждому из вас, ранее были выданы еще одни часы. Матричные часы. — Комендант сделал акцент на название. — В них содержится информация, полезная для вас и касающаяся только вас, и работы, которую вам необходимо выполнять.

Игорь Иванович продемонстрировал свои, что-то на них нажал и всех собравшихся Матричные часы завибрировали, а дисплеи загорелись.

— Каждый день ровно в 5:45 утра по нулевому времени на Матричные часы, вам будет приходиться табель задач. Индивидуально каждому. Ваши ключ-карты будут открывать только те двери и проходы, где вам необходимо выполнять работу.

Игорь Иванович замолчал, оглядывая собравшихся.

— Вам всё ясно?

Зрители дружно закивали в ответ.

— Когда я спрашиваю, необходимо говорить чёткое «Да» или чёткое «Нет». — Комендант нахмурил брови, глядя на собравшихся с явным недовольством.

— Да. — Хором ответили слушатели.

— Отлично, продолжим. — Голос Игоря Ивановича стал особенно твёрдым. — За праздничные разговоры с другими сотрудниками комплекса, вы будете отстранены от работ на десять календарных дней с учётом продления вашего срока пребывания здесь.

В помещение воцарилась напряжённая тишина.

— Коллективно. — Он сделал акцент на слове. — Это значит, что если один из вас будет замечен в нарушении, срок работ в «Большом 'О'» увеличивается для всех на десять дней. Всё понятно?

— Да. — Прозвучало неуверенное согласие.

Но прежде чем он смог продолжить, в воздухе взметнулась рука.

— Что у вас, товарищ Секретарь? — Комендант нахмурил брови, сдвинув их в единую линию, и устремил тяжёлый взгляд на Аню.

— А как надолго мы тут? — спросила девушка, стараясь, чтобы её голос звучал ровно.

В глубине души она надеялась, что окажется дома уже на следующей неделе. Этот день, казалось, уже сейчас растягивалась до предела, угрожая стать самым долгим в её жизни.

Сперва длинный переход, потом еще это ожидание на входе, казалось, что вчерашний день был неделю назад.

Комендант спокойно, почти равнодушно ответил:

— Ваши работы составят срок в 365 дней. — Слова коменданта прозвучали чётко, без тени сомнения или сочувствия.

Аня замерла. Один год.

Мир вокруг сжался и превратился в давящий, бесконечно узкий коридор. В ушах зашумело, комната будто на секунду потеряла свою устойчивость. Она ослышалась? Нет, все сидят молча. Никто не смеётся, не возмущается, не спрашивает: «Вы серьёзно?»

Один. Чёртов. Год.

Она машинально перевела взгляд на тех кто будет делить с ней этот срок. Их лица были напряжёнными, но никто не выглядел потрясённым. Знали? Догадывались? Только у неё голова раскалывалась от мысли, что ближайшие 365 дней ей придётся провести здесь?

Год. Она представляла, как через неделю вернётся в Петербург-6, расскажет родителям, как было скучно, как она страдала, но зато выполнила их волю, и теперь можно забыть об этом идиотском назначении. Но год?

Это больше, чем она работала вообще. Год — это вся её жизнь сейчас. Сердце колотилось. В груди рос ком, похожий на смесь страха, злости и паники.

— Еще вопросы, товарищ секретарь? — уточнил комендант, прервав ее панику.

Аня смотрела на него. Хотела спросить. Хотела сказать «я не могу», «это ошибка», но всё, что вырвалось из её пересохших губ, было еле слышное, пустое:

— Нет.

И как последний гвоздь в крышку гроба, Игорь Иванович нажал кнопку, и проектор осветил стену последним кадром.

Одно единственное число: 365.

Первая ночь в Большом 'О' для Ани оказалась ужасной.

Блок «Б» выглядел точно так же, как коридоры, по которым их вёл комендант. Тесное, унылое пространство с низким потолком, зелёной краской на стенах и тянущимися по потолку жгутами проводов.

Комната, которую им выделили, была скромной. Вдоль стен — три двухъярусные кровати, между ними — высокий металлический стеллаж с ящиками для личных вещей. Дверцы открывались только по выданным ключ-картам. Никаких личных мелочей, никаких вещей, которые можно было бы назвать своими.

Никто не сказал ни слова.

Когда им выдали по два одинаковых рабочих комбинезона, Аня наконец смогла разглядеть своих новых соседей по блоку. Теперь ей стало интересно с кем она проведет ближайший год.

Высокий лысоватый мужчина с усами и недельной щетиной. Его взгляд был пустым, будто он находился здесь не первый день и уже отключил в себе всё лишнее.

Полноватая девушка лет тридцати с тяжёлым, выдающимся подбородком. Пожилой мужчина, которому, судя по всему, было лет на пять больше, чем её отцу, а чем-то он даже походил на него.

И ещё одна женщина — она всё время держалась за голову, охала и тяжело вздыхала каждый раз, когда ей приходилось что-то поднимать, переставлять или даже просто наклоняться.

Никто не разговаривал.

Перед сном на новых часах вспыхнуло уведомление: необходимо пройти в столовую. На приём пищи отвели ровно пятнадцать минут.

Столовая оказалась такой же тесной и безликой, как и всё в этом комплексе. Им выделили одиночные столы, расставленные на расстоянии друг от друга.

Аня не хотела есть.

Она устала. Не просто физически — в голове гудело после длинного перехода, инструктажа, бесконечного ожидания. Поковыряв ложкой безвкусную хим-еду, она ограничилась стаканом воды и первой вышла из зала.

В комнате Аня заняла верхнюю койку, нижняя осталась пустой.

Матрас оказался жёстким, подушка — словно кирпич, обёрнутый газетой. Простыни пахли странно, будто их стирали, но никогда не сушили должным образом.

Когда все уснули, и комнату заполнил глухой, рваный храп, Аня не сдержалась.

Тихий всхлип сорвался с губ. Она не хотела плакать, но слёзы сами катились по щекам, горячие, беспомощные, оставляя на подушке тёмные пятна.

Аня не заметила, как уснула. Слёзы так и не прекратились.

В 5:45 на запястье завибрировали и запищали Матричные часы. Пришло задание.

Аня не привыкла так рано вставать.

Сквозь слипающиеся глаза, она пыталась разобрать, что там было написано, но буквы расплывались, как будто её мозг отказывался воспринимать информацию.

Моргнув несколько раз и еле разлепив веки, она наконец смогла разобрать: в 6:15 она должна быть на Втором уровне, в блоке «Д», помещение 8.

Она зло выдохнула, скинула одеяло, неуклюже спрыгнула с кровати и, спотыкаясь, поплелась в душевую. За ней потянулись и ее соседи по комнате.

Найти блок «Д» на оказалось сложнее, чем она ожидала.

Несмотря на то, что все коридоры здесь были одинаковыми, идти по указателям было непросто. Они не всегда находились там, где она ожидала их увидеть, иногда вообще не совпадали с направлением, а некоторые просто не имели смысла.

Она несколько раз сворачивала не туда, возвращалась обратно, а в какой-то момент поняла, что, кажется, ходит по кругу.

Времени оставалось всё меньше.

Но спустя какое-то время ей всё же удалось добраться до нужного места.

Аня остановилась перед дверью с табличкой «Д-8».

Она не знала, что её ждёт внутри. Никаких инструкций. Никаких пояснений. Только время, указанное в задании.

Она вдохнула, сжала в пальцах ключ-карту и, приложив её к замку, посмотрела, как дверь со щелчком отворилась.

Комната внутри оказалась огромной.

Аня охнула от удивления. После тесных коридоров и низких потолков, где даже воздух казался сжатым, она ожидала увидеть ещё одно замкнутое пространство. Но перед ней раскинулся настоящий зал с гигантскими сводами, которые, казалось, уходили в темноту.

Стены, покрытые чёрной матовой краской, были исписаны белым мелом. Повсюду — координаты, схемы зданий, фрагменты карт. Всё выглядело так, словно кто-то годами работал здесь, постоянно обновляя информацию, записывая, стирая и переделывая.

Остальное пространство утопало в хаосе бумаг. Коробки, набитые свёрнутыми документами, огромные столы, заваленные картами, кипами схем, расчерченными листами. Некоторое из этих бумажных гор были аккуратно сложены, но большинство выглядели так, будто их только что бросили в спешке.

Аня, с чуть приоткрытым ртом, медленно шла вдоль этого хаоса, пытаясь понять, куда она попала.

— Ты опоздала на пять минут.

Голос разорвал тишину. Аня ойкнула и резко обернулась.

За одним из столов стояли двое. Только когда Аня подошла ближе, смогла разглядеть их в полумраке помещения.

К ней обращалась девушка. Смуглая, с карими глазами, которые сверлили Аню насквозь. Узкий нос с горбинкой чуть сморщился — то ли от недовольства, то ли от вида самой Ани.

Аня поёжилась.

У девушки не было правой руки до локтя. Вместо неё — просто пристёгнутый за шпильку рукав комбинезона. На руке девушки поблёскивали металлические браслеты, такие же, как у Проводника, которого увели Псы.

— Простите. У меня сегодня первый день. — В голосе не было ни капли извинений. Только вызов.

Девушка усмехнулась.

— Понятно. — Она явно развеселилась. Будто проверяла Аню и осталась довольна ответом. — Меня зовут Елизавета. Какое-то время ты будешь работать у меня в отделе.

Она кивнула здоровой рукой в сторону парня, стоявшего рядом.

— А это мой ассистент...

Парень выглядел чуть старше Ани, либо ровесник. На лице лёгкая улыбка, а когда Елизавета отвела взгляд, он быстро подмигнул ей и погрозил пальцем, словно давая понять, что знает больше, чем кажется.

Аня замерла, что-то в этом жесте задело её. Она вспомнила Проводника-2042.

— Данил Просто. — Голос Елизавета кивнула на парня. — Он помогает мне в решении задач с наружи. Он Проводник.

Елизавета, оценивающе оглядела девушку.

— А твоя задача помогать мне внутри. Ты — Секретарь.

Глава 2. Узники

Елизавета провела Аню к небольшому закутку, скрытому за грудями коробок. Там стоял шаткий стол, за которым девушке предстояло провести ближайшее время.

Начальница объяснила: после проверки и оцифровки каждая бумага подлежала уничтожению, поэтому рядом со столом находился люк. Туда нужно было сбрасывать все отработанные материалы.

Аня села за старенький компьютер и принялась за работу. И программа, и сам системный блок будто пришли из прошлого века. Всё в процессе мучительно тормозило, зависало, а на пожелтевшей клавиатуре попадались тугие клавиши, по которым приходилось стучать по несколько раз.

Монотонная оцифровка бумаг быстро навевала сон, но Аня старалась не терять сосредоточенности. От неё ждали тщательности, а работа, судя по всему, должна была растянуться надолго.

Как успела заметить Аня, все пачки бумаг, с которыми возилась Елизавета, были посвящены маршрутам Проводников: подробным отчётам о пройденных дорогах, зданиях и любых интересных или странных объектах.

Казалось, в описание мог попасть любой камень, любая трещина на стене, и некоторые авторы явно не жалели слов, превращая каждый поворот и каждый переулочек в отдельный трактат.

Иногда Аня слышала за спиной тихую перебранку. Елизавета и Данил то и дело ссорились, горячо споря то ли о точности самих отчётов, то ли о том, как правильно свести все эти маршруты в единую базу. Поначалу их голоса звучали спокойно, но постепенно напряжение росло, и слова становились всё резче.

Аня прислушивалась краем уха, особенно когда перед глазами тянулись однообразные описания камней, составленные каким-то неимоверно въедливым Проводником-1112. Иногда голос Елизаветы обрывался, словно она не хотела, чтобы их услышали, а потом вдруг срывался на короткий вскрик, и Данил отвечал ей глухо, зло, будто уже давно сдерживал раздражение.

Огромные кипы бумаг вокруг стола глушили звуки, а чёрные стены, наоборот, усиливали эхо, и отдельные фразы сливались в неразборчивый шум. Аня чувствовала не совсем уместное любопытство: что же могло так взвинтить этих двоих, почему они шумят так, будто вот-вот перегрызут друг другу глотки?

Спросить вслух она не решалась. Ей оставалось только украдкой оборачиваться и гадать, чем закончится их бурный разговор. Но в конце концов любопытство пересилило.

Аня сделала вид, что ей понадобились дополнительные файлы, пригнулась и осторожно подошла к громоздкой горе коробок, за которой голоса становились куда отчётливее. Сердце у неё колотилось. Не то чтобы она любила подслушивать — просто хотелось хоть как-то скрасить эту вязкую, усыпляющую рутину.

— ...Ещё раз говорю тебе: ну нет такого маршрута, — прошипела сквозь зубы Елизавета. — Там пустота. Я вообще не уверена, что Псков-1 существует.

— Существует, Лиза, существует! — парировал Данил. — Двадцать Четвёртый не мог ошибиться. Ты сама видела данные с его маски.

— Я не смогла найти в базе данных 'О' хоть какое-то упоминание о Пскове. Его просто нет! — Лиза ударила кулаком по столу.

— Давай попробуем настроить маршрут. Я схожу, проверю.

— Да не дадут они нам разрешения на маршрут, — Лиза прикусила губу, будто пытаясь вычислить решение уравнения. — Мы и так рисковали, отправив тебя в Кукольный дом. Знаешь, сколько потом мне пришлось у Иванныча в комендатуре просидеть?..

— Ну пожалуйста. Ты же понимаешь, что я должен, — настаивал Данил.

Повисла тишина. Было слышно, как от волнения тяжело дышит Данил и как скрипят зубы Лизы.

— Ладно. Я попробую «прицепиться» к какому-нибудь объекту поблизости, чтобы настроить маршрут, включающий положение Пскова, — Лиза отмахнулась единственной рукой. — Но у меня уйдёт минимум две недели. Минимум.

Взгляд Лизы упал на папку лежавшую на ее столе.

— На западе становится все больше временных аномалий, туда по обычному маршрутному листу не пустят, поверь.

— Спасибо, Лиза. Спасибо! — выдохнул Данил, и послышался глухой звук объятий.

Аня застыла, стараясь не выдать себя. Здесь происходило нечто явно не простое и, скорее всего, не совсем законное. Она чуть приподнялась из-за груды коробок, чтобы лучше слышать новых коллег.

Голоса вдруг стихли, и тут донеслось возмущенное:

— Всё, отцепись от меня!

Лиза, оттолкнув Данила с отрывистым смехом, освободилась от его объятий. Пройдя вокруг стола, она двинулась вглубь коробочного лабиринта:

— Так, возьми эти коробки. И вот эти тоже. У меня для вас с секретаршей есть работа...

— Она запнулась. — А ты что тут делаешь?!

Аня вздрогнула, осознав, что Лиза уже стоит рядом — грозно уперев целую руку в бок и буравя её взглядом.

— Ищу документы для оцифровки, — соврала Аня, выпрямившись и вдруг заметив, что теперь стала выше своей начальницы почти на голову. — Мне казалось, что здесь есть еще какой-то отчет Проводника-1112, по маршруту номер...

Аня не смогла вспомнить номер маршрута.

— Что ты слышала? — Лиза проигнорировала оправдание и сразу перешла в наступление.

— Ничего, — тихо проговорила Аня, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Говори, что ты слышала. — Лиза смотрела ей прямо в глаза, не давая ни шанса отступить, ни возможности соврать.

— Что-то про Псков и маршруты, которых не существует, и... — Аня решила пойти в наступление. — ...и что вы явно что-то скрываете от коменданта.

Елизавета выругалась, резко закрыла глаза ладонью и с досады ударила кулаком по стоящей рядом коробке.

— И ты тут же побежишь ему рассказывать, так? — усмехнулся Данил, опираясь локтем о груды коробок, которые заскрипели под тяжестью его руки.

— Нет, не побегу, — Ане стало обидно, что её новые коллеги приняли её за доносчицу. — И не думала.

В лаборатории Елизаветы вновь повисла тишина. Данил продолжал стоять и улыбаться, Лиза — прожигать девушку взглядом, а сама Аня застыла на месте, не зная, что теперь делать дальше.

— Ну что, мы так и будем молчать и стоять тут весь день? — прохрипела Лиза, с трудом справляясь с пересохшим горлом.

И тут Аню осенило.

— А вы можете мне помочь выбраться отсюда? Тогда я точно никому ничего не скажу. Даже если спросят.

— Ну, здорово. Теперь она нас будет шантажировать, — Лиза закатила глаза, нервно щёлкая пальцами.

— Что значит «выбраться»? — Данил прищурился.

— Меня определили сюда на целый год. А для меня это... очень много.

— Много ей! — Усмехнулась Лиза. — Теоретически, это возможно. Насколько я знаю, некоторых свободных, у которых есть хорошие рекомендации от глав отделов, могут отпустить отсюда раньше срока.

Аню смутило слово «Свободные». Видимо, она относилась к их числу, но решила подумать об этом потом.

— А насколько раньше? — Её сердце забилося чаще от волнения.

— Думаю, через три месяца тебя уже здесь не будет. Но тебе придётся соблюдать на редкость примерное поведение.

Конечно, Аня хотела услышать, что её отпустят завтра. Но три месяца в этих стенах — всё же лучше, чем двенадцать.

— Тогда заключим контракт. — Данил вступил в диалог. — Мы поможем тебе выбраться отсюда, а ты... ну, может быть, немного поможешь мне и Лизе. Не совсем по работе, скажем так.

На лице Данила расплзлась хитрая улыбка. Он протянул руку, предлагая скрепить сделку. У Лизы от негодования раздулись ноздри, она покраснела и буравила парня взглядом.

— По рукам, — улыбнулась Аня и крепко пожала его ладонь.

Её сердце продолжало стучать быстро — но теперь не от страха быть пойманной, а от предвкушения. Она чувствовала, что впереди её ждёт нечто новое. Возможно, впервые — настоящее приключение.

На лице Лизы на мгновение промелькнула лёгкая улыбка, но она тут же спрятала её, и голос её снова стал железным:

— Работа ждёт. И ждут вас. Давайте займёмся делом.

Данил и Аня стояли у двери номер 7 в блоке Е. Данил балансировал с башней из туго набитых бумагами коробок, едва выглядывая из-за них. У Ани в руках было всего две, но такие тяжёлые, что руки ныло от напряжения, а по лбу катился пот.

— Так, сейчас... — прохрипел Данил, пытаясь нащупать ключ-карту, не уронив свою конструкцию.

Задание от Лизы было вполне простым: отнести данные в несколько отделов.

Раздался писк валидатора, и дверь со щелчком открылась. Данил пнул её край носком ботинка, и они вдвоём буквально ввалились внутрь.

Кряхтя, они поставили коробки на пол. Аня тут же схватилась за поясницу, а Данил, тяжело дыша, опустился на пол.

Переведя дыхание, девушка огляделась. Помещение оказалось таким же огромным, как и то, где работала Елизавета, но здесь всё было заставлено приборами, вокруг которых сновали люди в белых халатах.

К ним медленно направлялся пожилой мужчина — опираясь на трость и чуть ссутулившись. Сквозь линзы огромных, почти на всё лицо очков он прищурился, внимательно разглядывая вошедших.

— Данил, это ты? — еле слышно пробубнил профессор.

— Да, профессор Сейфуллин, это я, — Данил поднялся на ноги. — Здравствуйте.

— Привет-привет, юноша, давно тебя не видел. Как ты себя чувствуешь? Как дела? — Профессор подошёл вплотную и начал ловко тыкать концом трости сначала по ногам парня, потом по рукам.

Данил не обращал на это ни малейшего внимания — будто это было для них обычной формой общения.

— Всё в порядке, профессор, чувствую себя на десять из десяти, — машинально ответил Данил.

— Превосходно, превосходно, — профессор схватил его за кисть и начал крутить, что-то внимательно рассматривая. — Сегодня у тебя по расписанию процедуры.

— Да, я видел в календаре.

Аня с любопытством разглядывала профессора в белоснежном халате и самого Данила. Парень, который обычно не умолкал, шутил, даже во время долгого пути сквозь лабиринты большого 'О' не терял бодрости, теперь вдруг стал сдержанным, почти холодным.

Здесь явно было не так уж уныло — не прошло и дня, а уже столько тайн, намёков, странных встреч. Интригующее место.

— А это кто с тобой пришёл? — профессор, наконец, оторвался от изучения Данила и перевёл взгляд на Аню.

От его мутных глаз Ане стало не по себе.

— Анна Семёнова. Я Секретарь, — быстро представилась девушка, хлопнула по карману и достала карту памяти. — Это цифровая копия данных, которые мы принесли от Елизаветы Варданыч.

Она кивнула в сторону башни из коробок, которую до этого тащил Данил.

— Ага, — буркнул профессор, явно не проявляя особого интереса ни к данным, ни к носителю. Он продолжал разглядывать девушку, а затем ловко перехватил трость и начал постукивать ею по коленям девушки.

Аня вопросительно посмотрела на Данила. Тот еле заметно покачал головой, давая понять, что не стоит обращать на это внимания.

— А вы, дорогая, ко мне не записаны? — перестав тыкать тростью, вдруг спросил профессор.

— Н-нет, — неуверенно ответила Аня, надеясь, что так и останется.

— Очень странно. Очень жаль... — пробормотал профессор, отворачиваясь. — Вы крайне любопытная... особь.

Аня едва заметно вздёрнула бровь. Так её ещё никто никогда не называл.

— Профессор Сейфуллин, мы...

Люди в белых халатах внезапно засуетились, послышались приглушённые вскрики, нарастающий гул голосов.

— Дети, вам пора уходить, — резко бросил профессор. Переставляя трость с неожиданной для его возраста поспешностью, он углубился в лабиринт своей лаборатории. — Данил, жду тебя вечером.

— ...должны идти дальше, — пробормотал Данил, резко нагнувшись и поднимая коробки, которые до этого несла Аня.

Девушка тем временем вытягивала шею, стараясь разглядеть, что произошло в глубине помещения. Но прежде чем смогла что-то понять, Данил подошёл и лёгким движением хлопнул её по плечу.

— Идём. У нас мало времени, — сказал Данил.

На мгновение он будто сам вздрогнул от этих слов.

Аня, увлечённая происходящим, не заметила его реакции. С неохотой, но послушно развернулась и направилась к выходу.

Они молча пересекли порог лаборатории 7 блока Е. Данил шёл чуть впереди, и, не осознавая, шептал себе под нос: "У нас мало времени. У нас мало времени..."

С такой же интонацией, теми же интонационными паузами, когда-то давно эти слова произносил Двадцать Четвёртый — Проводник, с которым они шли сквозь время, в поисках Алёны. Девушки, которая была для Проводника всем.

Какое-то время они молча шли по очередному коридору.

Аня разглядывала стены: то налево, то направо — но быстро устала, потому что пейзаж не менялся. Встречно проходили люди — в таких же комбинезонах, как у них. Никто не поднимал головы, все смотрели себе под ноги. И ни один взгляд не был направлен в их сторону.

— А чем занимается профессор Сейфуллин? — полюбопытствовала Аня. — На какие процедуры ты к нему ходишь?

Данил, шедший чуть впереди и негромко напевавший себе под нос, замедлил шаг. Поравнявшись с ней, пожал плечами:

— Сложно сказать, чем он конкретно занимается. Вроде бы генетикой... или лекарствами. Что-то в этом роде. Я же, вроде как, Проводник — и нам делают кучу уколов, инъекций, выдают таблетки... чтобы лучше контролировать время.

— Если ты Проводник, то почему без маски? Ты типа ещё маленький Проводник? Проводнишка? — усмехнулась Аня.

— Ну да, Проводнишка, — рассмеялся Данил. — Здесь всё по-другому. Здесь мне не обязательно её носить.

— Не понятно, — кивнула Аня и завернула за угол вслед за ним. Казалось, он знал все эти коридоры наизусть. — А почему Елизавета назвала меня... Свободной?

Перед тем как ответить, Данил оглянулся — проверяя, нет ли рядом посторонних.

— Потому что ты здесь не навсегда.

— А ты? Свободный?

— Я? Нет, — коротко ответил он, понизив голос.

— Хм, — Аня взглянула на его металлический наручи. — Так ты что... как бы заключённый?

— Ну типа того, — ещё тише сказал Данил.

— Что-то ты немного говоришь. Мне казалось, ты болтливее, — она легко ткнула его локтем в бок.

— Об этом нельзя говорить вслух, — Данил снова огляделся. — Это запрещено рассказывать Свободным. Если услышат... мне достанется. А тебе — продлят срок.

— Тут вроде никого нет, — Аня завертела головой и прошептала: — А за что ты тут?

— Играешь с огнём, — строго посмотрел на неё Данил.

— Ой, да ну тебя. Перестань. Рассказывай. Как я смогу вам помогать «не по работе», если ничего про вас не знаю?

— Пару лет назад я, Лиза и ещё несколько человек из нашей... группы, немного повздорили с СЦУ и Псами. — Без боя сдался Данил.

— Ты не ответил, — не отступала Аня.

Данил остановился, посмотрел ей в глаза и с улыбкой произнёс:

— Ну, лично я сбежал из карцера Петербурга-6, будучи приговорён к шести годам работ. Снял Порядковые часы, потом какое-то время бегал от Псов, связался с изгоями, с которыми разнёс к чертям остатки Выборга-2, попутно нарушив почти все законы СЦУ.

Аня молча смотрела на него. И вдруг ее осенило. Она вспомнила.

— Да ты же тот самый пацан, который сбежал с Проводником, — Выдохнула Аня, вспоминая события двух летней давности. — Нам из-за вас тогда так досталось.

Теперь Данил смотрел на нее озадаченно.

— Мы тогда с Лёшей и Таней... зависали в одном месте, когда вы ворвались и выломали окно.

— А! — Вспомнил Данил их злосчастный побег и внезапную встречу. — Вы же не «зависали», а просто «гуляли», как ты тогда сказала.

— Ага, как и вы. — Улыбнулась Аня. — Я думала, что предки нас тогда уничтожат! Ни разу не видела их в такой ярости.

Они еще какое-то время посмаковали их первую встречу, медленно идя по коридорам 'О', будто прогуливаясь в парке.

— Ну вот вы сбежали, а что было потом? — Любопытствовала Аня.

— Ну сперва нарвались на псов, потом на кукол...

— Да ты гонишь, — отмахнулась она. — Кукол не существует. Это всё сказки для детей.

— Не хочешь — не верь, — усмехнулся Данил.

Они продолжили путь. Аня размышляла — не выдумал ли он всю эту фантастическую историю. Но что-то в его взгляде не давало ей отмахнуться окончательно.

— Ты сказал, что был в группе... А кто ещё в ней был? — задумалась она. — Лиза, верно? И у неё нет руки из-за этих ваших кукол?

— Да, ты права, — коротко ответил Данил. Он не горел желанием вспоминать события в Кукольном Доме.

— А кто ещё?

Аня не заметила, как они уже оказались в блоке «Ж» и остановились у двери с номером 19.

Данил оставил ее вопрос без ответа. Хотя парню и хотелось продолжать беседу и рассказывать и чем-то удивлять. И удивляться самому.

— О-о-о... — протянул Данил, расплываясь в хитрой улыбке. — Этот дядя тебе точно понравится.

Валидатор пискнул, и дверь мягко распахнулась перед ними.

— Ты-ы-ы! — Скрипучий крик пронзил огромное помещение, заставив Аню вздрогнуть. По коже пробежал холодок.

— Привет, Лаваль, рад тебя видеть, — с трудом подавляя улыбку, сказал Данил и аккуратно поставил коробки на пол перед собой.

Из глубины зала к ним стремительно приближался невысокий, лысоватый и слегка сгорбленный мужчина. Он прерывисто дышал, сжимал и разжимал узловатые пальцы с какой-то остервенелой решимостью. На его запястьях мерцали такие же оковы как у Данила и Лизы.

Аня отступила на шаг назад и инстинктивно встала за спиной Данила.

— А я не рад! Я никогда не буду рад тебя видеть! Ни тебя, ни твою драную кошку-начальницу, ни её пассиву... — Лаваль зажмурился и прошипел по слогам: — То-тен-берга...

— Подожди, он сейчас успокоится, — еле слышно прошептал Данил, не оборачиваясь.

— Из-за вас я потерял всё! Всё, что нажил непосильным трудом! Всё, что сделали эти руки! Смотри на них, смотри! — Лаваль, подпрыгивая, тряс ладонями перед лицом Данила. Тот просто кивал, чуть отведя взгляд в сторону.

— Людей! Прекрасных, красивых, чудесных людей! Где они теперь? Что с ними? — Он начал загибать пальцы. — Мой замок! Мой прекрасный, роскошный замок! Но главное — работу всей моей жизни!

— Лефер, я уже говорил: мы тут ни при чём. Это всё Эхо и Псы. Мы сейчас в той же ситуации, что и ты.

Лефер Лаваль сверлил Данила взглядом, затем тяжело выдохнул, перевёл дух... и, как ни в чём не бывало, отмахнулся:

— Да! Я знаю! Но всё равно очень злюсь, — пробурчал он, резко развернулся и рухнул в старое офисное кресло и начал медленно кружиться, уставившись в никуда.

— Что тебе нужно?

— Я принёс коробку с обработанными данными от Лизы и...

Но Лаваль его уже не слушал. Он перестал крутиться, навалился на подлокотник и теперь с нескрываемым интересом разглядывал Аню, медленно постукивая указательным пальцем по своему длинному, крючковатому носу.

— ...и это Аня, она секретарь Лизы, — Данил отступил в сторону, жестом указывая на девушку.

— Здравствуйте, — тихо произнесла Аня.

Лаваль не вызывал у неё страха, но находиться рядом с ним было... крайне неудобно.

— Доброго дня, мадам! — с преувеличенной грацией поклонился Лаваль, чуть не вылетев из кресла. — Данил, черт побери, почему ты не сказал мне, что не один? Что на этот раз сопровождаешь даму?

— Не представилось возможности, — улыбнулся Данил.

— Да, да... иногда я бываю чересчур эмоционален.

Аня медленно достала из кармана карту-памяти и положила её на ближайший стол.

— Это цифровая копия данных, — стараясь произносить как можно меньше слов, проговорила она.

— О! Прекрасно! Удобно! Спасибо тебе, Аня, от всей моей глубокой, прозрачной и очень печальной души.

Аня в ответ лишь кивнула. Лаваль, крутанувшись на стуле, вдруг прижал руки к груди:

— Но ты, наверное, думаешь: почему моя душа печальна?

Аня думала только об одном — как бы поскорее уйти отсюда.

— Я одинок! И не существует человека, способного скрасить моё одиночество. Мою тоску, мою боль, глубокой ночью, когда я смотрю в далёкие, холодные звёзды...

— Лаваль, ты серьёзно сейчас? — рассмеялся Данил. — Она тебе в правнучки годится. Что ты собрался с ней делать — к экзаменам готовить?

— Вообще-то я уже сдала экзамены, — без эмоций прошептала Аня.

Лаваль замер, потом театрально вздохнул и махнул рукой:

— «Экзамены сдавать». — Передразнил его Лаваль. — Иди давай отполируй свой посох, проводник не доделанный!

Лаваль ловко соскочил с кресла и, готовясь что-то добавить, был прерван утробным воплем, донёсшимся из глубины лаборатории. Аня инстинктивно вздрогнула. Звук пробрал до костей.

— О! Пациент проснулся, — взглянув на часы, заметил Лаваль и хрустнул пальцами. — Секунда в секунду.

— Пациент? — недоверчиво переспросил Данил.

Но Лаваль его уже не слушал. Он подбежал к столику, вытащил из-под него металлический кейс и с грохотом водрузил на стол.

Аня замерла. Всё произошло очень быстро.

Лаваль откинул крышку, и прежде чем она успела понять, что происходит, тот вытащил из кейса пистолет, взвёл курок и, не колеблясь, направил его на Данила.

Аня вскрикнула.

Раздался щелчок. Пистолет был не заряжен.

Данил стоял спокойно, с руками в карманах, глядя прямо в дуло.

— Бах, — прошептал Лаваль.

— Не смешно, — холодно ответил Данил.

— Увы, не у каждого есть чувство юмора, — усмехнулся Лаваль, и эта улыбка вновь заставила Аню поёжиться. — Наши СЦУки надзиратели вообще его лишены. Особенно Иго-Рваныч всех комендантов комендант.

Он достал маленькую коробочку, высыпал содержимое на стол. Раздался звон раскаты-вающихся патронов.

— Передай Лизе, что я готов сделать работу, — пробормотал он, зажав между пальцами один из патронов и внимательно его разглядывая. — Да... Это то, что нужно.

— Хорошо, — кивнул Данил.

Зарядив пистолет, Лаваль развернулся и пошёл вглубь лаборатории.

— Не забудьте закрыть за собой дверь, детишки. Да поплотнее, — крикнул он уже из темноты.

Послышался тяжёлый, металлический звук — словно отворяли бункер. Затем — еле различимые всхлипы... и голос Лавалья:

— А вот и я-я-я-я! Ты, наверное, соскучился уже...

В ответ — приглушённые стоны. Аня застыла, не в силах сдвинуться.

— Идём, — тихо сказал Данил.

Они вышли. Уже почти за порогом за их спинами раздалось восклицание Лавалья и глухой выстрел.

Ребята несли последнюю коробку к финальному адресату. На этот раз шли молча. Аня не задавала вопросов — размышляла. В голове крутились обрывки фраз, вспышки недавней встречи с Лавалем. Что такой странный человек вообще делает в этом месте? Ведь, как говорил комендант на вводной лекции, здесь работают лучшие умы СЦУ.

Но Лаваль... он точно не был похож на светило. Как и профессор Сейфуллин, который, казалось, в любой момент готов испустить дух. Или Лиза — которая строила из себя начальницу, но Аня до сих пор не поняла, чем та на самом деле занимается.

— Странно тут, не правда ли? — вывел её из раздумий Данил.

— Жесть какая-то. Он там что, убил человека?.. Ты слышал выстрел? — Аня даже не заметила, как её голос начал дрожать.

— Не факт, что человека. — Данил прикусил губу, криво усмехнулся. — Да, Лаваль своеобразный. Когда-то он вообще меня запер в железную клетку и пообещал отдать на растерзание Куклам.

— И ты всё ещё здороваешься с ним после этого?! — ошарашенно уставилась на него Аня.

— Ну да... — замялся Данил. — Ну, как... Мне потом объяснили, что у людей меняются цели. И иногда эти цели вдруг пересекаются с теми, кому ты в другой ситуации руку бы не подал. И приходится... работать вместе.

— Не понимаю, — нахмурилась Аня, с подозрением глядя на него.

— Если честно, я тоже, — усмехнулся он. — Ладно, я уже тебе всё выложил. Теперь твоя очередь. Как ты оказалась здесь?

— Ну-у-у... — Аня вздохнула. На фоне Даниловой истории её жизнь казалась пресной и бессмысленной. — Мама с папой, для моей "карьеры", отправили меня сюда работать.

— Ого, твои родители какие-то важные шишки? — удивился Данил. — Это место — дыра дырой, но попасть сюда почти нереально.

— Ну... типа того, — уклончиво ответила она. Ей не хотелось обсуждать семью. — Родители вообще думают, что лучше знают, что тебе нужно. Бесят жутко. А твои родители, разве не такие же?

— Ну... — Данил замедлил шаг, подбирая слова. — Последний раз я видел их пару лет назад. Во временной ловушке. Они застряли в прошлом. В момент, когда Мир перевернулся. Аня замерла. Такого она не ожидала. Ей стало жутко неловко.

— Прости... — единственное, что она смогла вымолвить. — Я не знала.

— Всё нормально, — Данил ободряюще улыбнулся и легко толкнул её плечом. — Не бери в голову. Мы, кстати, уже пришли.

Блок Ё. Дверь под номером 6.

— Здесь снова странный учёный? — Аня недоверчиво покосилась на него. — Он тоже из вашей группы?

— Он странный, но более адекватный, чем Лаваль, — заверил Данил и толкнул дверь.

— Здравствуйте? — донёсся голос сквозь гул приборов.

Если лаборатория профессора Сейфуллина напоминала медицинский кабинет, а логово Лавали — тёмные казематы, то здесь всё пространство было заставлено техникой. В воздухе пахло озоном и... свежей выпечкой.

У Ани моментально заурчало в животе — позавтракать с утра толком не удалось.

— Айзек, привет! — Беспардонно швырнув коробку с бумагами в угол, Данил направился к хозяину лаборатории.

Высокий, худой мужчина с тонкими усами под носом и в круглых очках сидел, сторбившись над платой с торчащими проводами, и ловко длинными пальцами орудовал паяльником.

— Дорогой друг! — Айзек отложил паяльник, вскочил со стула, чуть не запутавшись в полах белого халата.

Он подбежал к Данилу, крепко схватил его за плечи, с сияющей улыбкой оглядел и обнял — с такой искренностью, будто они не виделись годами.

— Чертовски рад тебя видеть! — сказал он и, отпустив Данила, перевёл взгляд на Аню. — О, ты сегодня не один!

Айзек сделал шаг в сторону, чуть наклонился и протянул худую руку, на запястье которой поблёскивал наручник, почти такой же, как у Данила.

— Айзек Тотенберг. Приятно познакомиться.

— Анна Семёнова, — смущённо ответила Аня, принимая рукопожатие.

— Что привело вас в мою скромную обитель? — Айзек заглянул ребятам за плечи, будто надеясь увидеть подарок или сюрприз.

— Отчёты от Лизы, — сказал Данил, кивнув в сторону коробки.

— Моя дорогая и бедная Лиза... — с почти театральной грустью прошептал Айзек. Потом цокнул языком и с явным презрением покосился на бумаги. — Когда уже этот анахронизм перестанет править в мире бюрократии наших обывателей? Зачем передавать и цифровую копию, и физическую? Чушь, абсурд, бессмыслица!

— Вот, — Аня протянула последнюю карту-памяти.

— Да и это, — вздохнул Айзек, беря её. — Я же разработал протокол, по которому можно передавать данные по проводам: безопасно, надёжно, зашифровано. А они всё продолжают, как в доисторические времена... Как малые дети!

— Зато мы видимся лично, — улыбнулся Данил.

— И действительно... — Айзек на мгновение задумался, будто ушёл в себя. — Я могу предложить вам чай?

— Не откажусь! — хлопнул в ладоши Данил, а Аня с готовностью закивала, поддерживая его.

— Чем это у тебя так вкусно пахнет? — продолжил Данил. — Ты что-то приготовил?

Айзек без лишних слов достал клетчатую скатерть, чайник и три чайные пары, ловко накрыл на стол. Что-то быстро прикинув в уме, он убежал в один из закутков лаборатории, по пути споткнувшись о провода.

— Мне тут удалось наладить связи с ребятами из отдела ботаники! — донёлся его голос. — Приятные люди!

Он вернулся, держа в одной руке чайник с кипятком, а в другой — поднос с румяными булочками, щедро посыпанными маком, корицей и сахаром.

— Поговорили, поторговались... Я сделал им пару хитрых штук — а они в ответ снабжают меня пшеницей, содой, сахаром, чайными листьями. А недавно вырастили пищевой мак и... коричку! Представляете? Коричку!

Аня ожидала увидеть кого угодно — очередного безумного учёного, увлечённого своими схемами и катушками. Но точно не уютную скатерть, ароматную выпечку и фарфоровые чашки с синим узором.

— Здорово! — Данил потянулся за чайником, но Айзек мягко, почти шутливо, шлёпнул его ложкой по запястью.

— Данил, дорогой друг, дай чаю настояться. А пока наслаждайтесь выпечкой.

— Айзек, ты давно видел Лизу? — не стесняясь, с набитым ртом спросил Данил.

Айзек тут же помрачнел и бросил взгляд в сторону Ани. Девушка, не обращая внимания на разговор, с удовольствием уплетала булочку.

— Всё в порядке, — успокоил его Данил, проглотив. — Лиза в курсе. Аня с нами.

— И это такое облегчение... — выдохнул Айзек с улыбкой. Но тут же вновь стал серьёзным. — Мы не виделись уже семьдесят восемь дней и одиннадцать часов.

— Ого. За что это вас так Иваныч? — нахмурился Данил.

— Видишь ли, по заверению старшего коменданта... — Айзек замялся. — Мы с Лизой проводили слишком много времени вместе... вне рабочего графика. — Он бросил виноватый взгляд на Аню. — Простите. Мы же... ну... муж и жена. Просто хотели немного нормальной жизни. Хотели быть вместе. Чёрт побери, мы всего лишь мечтали о покое.

— Они читают друг другу стишки, — прошептал Данил, наклоняясь к Ане.

— Не *стишки*, дорогой мой, а *поэзию*! — тут же цокнул языком Айзек, уязвлённый. — Ведь поэзия, наравне с живописью, — окно в человеческую душу и его природу.

Он вдруг оживился, повернулся к Ане с вдохновением:

— А вам нравится живопись? Что-то светлое, воздушное — вроде Шишкина или Куинджи? Или, может быть, вас тянет к более провокационному — Кандинский, Филонов?

Аня почувствовала себя неуверенно. Щёки вспыхнули, и, не найдя, что ответить, она просто покачала головой и сунула в рот ещё кусочек тёплой сдобы.

Айзек тактично кивнул, не настаивая, и, сменив тему, принялся разливать чай по чашкам.

— Кстати, — словно между делом заметил Данил, обхватив горячую чашку. — Из данных Двадцать Четвёртого, Лиза сказала, что проложит маршрут до Псков-1.

— Отличные новости. Я так хочу познакомиться с Борисом! — Айзек хлопнул в ладоши, но снова метнул взгляд в сторону Ани.

— Аня будет нам помогать. А наша задача — завалить её рекомендациями, чтобы она смогла выбраться из 'О' через пару месяцев.

— Это можно, — с явным облегчением кивнул Айзек. — Аня, если ты не против, я тогда поставлю тебе пару смен у себя в лаборатории. Чтобы всё выглядело официально, прозрачно — для наших начальников.

Аня не возражала. Напротив — лаборатория Айзека нравилась ей больше всего. Несмотря на творческий хаос, здесь было уютно. И, как минимум, очень вкусно.

Она сделала глоток чая — напиток оказался неожиданно мягким, обволакивающим, почти медовым. Её стало клонить в сон, и она сладко зевнула. Шумная беседа старых приятелей где-то рядом перестала её волновать.

Было так легко, так спокойно... будто что-то приподнимало её вверх, позволяя парить.

Аня насторожилась. Чашка в её руках вдруг показалась невесомой и — точно воздушный шар — вырвалась из пальцев, медленно взмыла вверх.

Она резко выпрямилась, моргнула несколько раз и осмотрелась. Айзек и Данил, поглощённые разговором, ничего не замечали. Тем временем, сначала крошки от булочек, потом чай из чашек, потом мелкие приборы начали подниматься в воздух, словно подчиняясь невидимой силе.

— Э... А что происходит? — вскрикнула Аня.

«ПРАВКА»

Теперь в воздухе уже кружили не только крошки, но и книги, чашки, инструменты. Более тяжёлые предметы отрывались от поверхности, медленно всплывая.

Айзек ошарашенно вертел головой, не понимая, что происходит. Данил вскочил, опрокинул стул... который не упал, а остался висеть в воздухе.

Аня попыталась подняться сама, но не почувствовала пола — её тоже поднимало. Медленно, неотвратно.

— Что происходит?! — её охватила паника. Она открыла рот, но... не услышала собственного голоса. Полная тишина. Давящая, нереальная.

Айзек и Данил зависли рядом с ней, беспомощно вращаясь в воздухе. Они что-то кричали, шевелили губами, но она не слышала ни звука. Данил тянулся к ней рукой, стараясь дотянуться.

Аня, не чувствуя собственной руки, протянула её ему навстречу.

Пальцы тянулись. Тянулись...

Ладонь Данила сомкнулась на её запястье. Их руки сцепились.

В тот же миг по ушам ударил гул — будто звоном колокола. Мир разорвался. Троицу подкинуло к потолку, как жуков в банке, вместе с приборами, чашками, бумагами. Всё закрутилось в хаосе, а затем — с чудовищной силой — обрушилось на землю.

В глазах Ани всё померкло. Все звуки исчезли. Осталась только густая, крошечная тьма.

Мрак длился недолго. Аня очнулась, потому что кто-то тряс её за плечи. Она с трудом открыла глаза.

Над ней склонился Данил, пытаясь привести её в чувства. Его лицо, как и всё помещение, было залито тревожным красным светом. Через несколько секунд прорвались звуки — из громкоговорителей выла сирена.

— Что... произошло? — Голова гудела, язык не слушался. Аня попыталась встать, но тут же осела обратно — спину пронзила резкая боль.

Рядом на корточках сидел Данил. Его лицо было в крови, но он, казалось, не замечал этого — лихорадочно озирался по сторонам.

— Не знаю. Не знаю... — Он метался взглядом, пытаясь понять, что происходит.

Лаборатория Айзека, ещё недавно уютная, теперь напоминала поле боя. Все приборы валялись на полу, искрились, шипели, дымились. Куча искорёженного металла заполнила половину комнаты. Самого Айзека нигде не было видно.

Данил, пошатываясь, встал и стал разгребать обломки, отбросив в сторону вывернутый блок питания и деформированную раму.

— Айзек! Айзек! — хрипло кричал он, заглядывая под рухнувшие панели.

Сирена резко оборвалась.

Из динамиков раздался знакомый электронный голос:

— Внимание, внимание! Зафиксирован Инцидент. Зафиксирован Инцидент! — Голос был безэмоционален, но от этого становилось только страшнее. — Всем сотрудникам Большого 'О' необходимо немедленно переместиться в ближайшее укрытие для обеспечения безопасности. Повторяю: зафиксирован Инцидент...

Фраза зациклилась, как сбившийся механизм. Аня попыталась подняться снова — в этот раз медленно, на дрожащих ногах. Шум в голове усиливался, а сердце колотилось, как у запертого в клетке зверя.

Глава 3. Инцидент

Аня сидела, поджав колени к груди и уткнувшись в них лбом. Голос из динамика прерывался, и снова раздавалась сирена. В короткие паузы, она отрывала голову и оглядывала разрушенную лабораторию Айзека, залитую красным полумраком.

Данил метался по комнате, с усилием поднимая перевернутые железные шкафы и завалы оборудования. Он пытался найти Айзека.

— Может, поможешь мне?! — вскрикнул он, откидывая очередную грудку металла и не находя следов товарища.

— Чем?.. — Ане не хотелось вставать. Хотелось просто сидеть и дожидаться, когда всё закончится.

— Искать Айзека, конечно! — с досадой он пнул один из приборов. — Он не мог просто исчезнуть. Он бы точно пошёл тебя искать.

Аня поднялась. Тело не слушалось, ноги подгибались, руки дрожали. Осторожно переступая через искорёженные детали и разбросанные механизмы, она двинулась вперёд, стараясь хоть что-то разглядеть в тусклом мареве.

— Что произошло?.. — спросила она, поравнявшись с Данилом, который наклонился над очередным завалом.

— Не знаю, — бросил он, не отрываясь от поисков.

— Раньше такое уже было? — Голос у неё дрожал. Вопросы срывались сами, один за другим.

— Нет, — коротко ответил он, сжимая кулаки.

— А что теперь будет?..

Очередной вопрос вывел его из себя.

— Да не знаю я! — выкрикнул он, резко поворачиваясь к ней.

Аня поджала губы. Даже в красном полумраке она заметила, как побледнело лицо Данила. Он боялся не меньше неё.

Данил выдохнул. Он увидел в глазах Ани тот же страх, что сковывал его самого.

— Прости, — тихо произнёс он и поднял взгляд к потолку, где всё ещё был динамик. — Давай отключим эту штуку. От неё точно не легче.

Он опустил взгляд, наклонился и поднял с пола металлическую коробку. Прицелившись, Данил метнул её в динамик. Раздался хруст — пластиковый корпус лопнул.

Бросок вышел таким стремительным, что коробка лишь коротко сверкнула в воздухе.

Аня растерянно открыла рот. Такого она ещё не видела. Данил ничем не выделялся — обычный рост, обычная комплекция. Но скорость и точность броска заставили её замолчать.

— Как ты это сделал? — нарушила она внезапно воцарившуюся тишину.

— Спроси профессора Сейфуллина, если ещё увидишь, — смущённо отвёл взгляд Данил. — Уже два года сижу на его препаратах для Проводников...

— А это вообще безопасно? — с подозрением спросила Аня.

— Не уверен, — пожал он плечами. — Но сейчас это неважно. Давай лучше найдём Айзека.

В тишине они продолжили поиски хозяина лаборатории. Пространство было огромным, и, по прикидкам Данила, на это мог уйти не один час.

— Друзья... — вдруг откуда-то донёсся охрипший, но знакомый голос.

Аня и Данил замерли. Переглянулись. Начали оглядываться, вслушиваясь и пытаясь понять, откуда доносится звук.

— Айзек, ты где?! — Данил опустил взгляд к полу, на автомате пытаясь разглядеть источник.

— Я тут! Я наверху! — голос Айзека звучал слабо и жалобно.

Они одновременно подняли головы. Потолок терялся где-то в десятиметровой темноте. Сначала не было видно ничего — только мрак между выступами и опорами. Но затем, приглядевшись, они различили в высоте фигуру: Айзек, запутавшись в толстенных кабелях, висел, судорожно обхватив один из них и боясь пошевелиться.

— Прыгай, я тебя поймаю! — Данил встал ровно под тем местом, где должен был приземлиться Айзек, и расставил руки.

— Дорогой друг! — Голос Айзека дрожал. — Я доверяю тебе настолько же сильно, насколько, признаюсь к своему стыду, боюсь высоты!

— Как нам тебя спустить вниз? У тебя здесь есть лестница или...

Данил не успел договорить: в глубине комнаты раздался треск, и Айзек с диким воплем полетел вниз на оборвавшемся проводе, вцепившись в него, как в спасительную нить.

Он приземлился неуклюже: сперва на пятки, потом на спину, после чего мгновенно перекатился на бок, закашлялся и замер, раскинув руки.

Данил и Аня, перепрыгивая через груды покорёженного оборудования, подбежали к инженеру. Подхватив его под локти, они осторожно усадили его на пол, стряхивая пыль и поправляя одежду.

— Ты в порядке? — Данил старался разглядеть лицо Айзека сквозь красный мрак.

— Вроде да... Думаю, что да, — пробормотал тот, пытаясь встать. Но ноги не держали — он снова рухнул на пол. — О боже... Нет. Только не это!

— Что случилось? — Аня отдёрнула руки, испугавшись, что могла ему навредить.

— Мои чайные пары... — перед глазами Айзека рассыпались осколки: блюдца, чашки, чайник, покрытые пылью и остатками чайных листьев. — Это была уникальная серия ЛФЗ, с синей сеткой образца конца сороковых годов прошлого века... Какое горе. Какая утрата!

Данил с Аней одновременно фыркнули и поспешно отвернулись, чтобы не смутить Айзека и не принизить значимость его утраты. Данил прокашлялся в кулак, подавляя улыбку.

— Что всё-таки произошло? Это как-то связано с твоей лабораторией? — серьёзно спросил он.

— Разумеется, нет, — Айзек отвлёкся от разбитого фарфора и, поправляя треснувшие очки, окинул взглядом разруху вокруг. — Я здесь занимаюсь исключительно техникой. А то, что произошло...

Он нахмурился, чуть склонил голову и на секунду задумался.

— Это... физика в чистом виде! — потом поправился: — Ну, всё — физика, конечно. Но это, полагаю, связано с гравитацией, временем или чем-то в этом духе. Я не специалист по этим вопросам.

— И что теперь делать? — спросила Аня.

Она опустила взгляд. Весь день Данил легко общался с Лизой, Айзеком, даже с Лавалем, а она будто всё время стояла рядом с этой машиной безумия и не находила в ней своего места.

После того как их «взболтало» в лаборатории, это ощущение только усилилось.

— Ох! — Айзек словно только сейчас увидел, что стало с его лабораторией. — Какой кошмар... Столько работы уничтожено!

Он вскочил и почти наощупь начал копаться в грудке разбросанного и покорёженного оборудования.

— С этим лучше разобраться позже, — Данил схватил инженера за рукав. — Надо понять, что происходит в 'О'.

— Д-да, ты прав... — Айзек с тоской уронил на пол какую-то штуквинку с торчащими проводами. И вдруг вскрикнул: — Лиза! Надо узнать, как там моя дорогая Лиза!

Айзек кинулся вглубь завалов, лихорадочно перебирая повреждённые приборы, выискивая что-то в их останках.

— Кажется, с ним сейчас бесполезно говорить, — вздохнул Данил, обернувшись к Ане.
— Есть идеи?

Аня не знала, что они только что пережили и что Айзек так отчаянно искал в этой груде искрящегося хлама.

— Нет, — пожала плечами она, но спустя мгновение добавила: — Может, связаться с комендантом? Он же вроде как главный здесь?

— Ну да, ты права. — Данил кивнул, глядя на двери. — Если бы проблема была только у нас, сюда уже прибежали бы Псы. Или кто-то из верхушки. А так...

Все одновременно содрогнулись.

Во входную дверь, придавленную повалившимся шкафом, что-то ударило с невероятной силой. Металл прогнулся. От удара по стенам разошлась вибрация, а с потолка посыпалась пыль.

На мгновение наступила мёртвая тишина. Только дыхание и слабый, прерывистый гул ещё работающих приборов нарушали паузу.

— Айзек, ты кого-то ждёшь? — прошептал Данил.

Он не успел получить ответ — раздался ещё один удар.

— Нет... — еле слышно откликнулся Айзек, отрываясь от своих поисков.

Данил двинулся к двери.

— Может, это помощь? — нерешительно предположила Аня.

Но в этот момент в дверь снова с грохотом ударило что-то тяжёлое. Потом ещё. И ещё. Каждый новый удар был громче и злее предыдущего, будто по ту сторону металл пытались не пробить, а разорвать.

— Не похоже, — ответил Данил, всё равно продолжая двигаться к двери.

Мышцы напряглись, сердце застучало в ушах. Каждый шаг давался с трудом. Рука потянулась к двери — неосознанно, вопреки здравому смыслу.

— Данил, стой! — крикнула Аня.

Он успел обернуться лишь наполовину: шкаф развернуло на месте, а дверь с треском вылетела из проёма и пронеслась в полуметре от него. С грохотом она пересекла половину помещения, сшибая на своём пути покорёженное оборудование и перевёрнутые столы.

Внутри хлынул ослепительный белый свет. Аня зажмурилась, Данил прикрыл глаза рукой, Айзек закрыл голову локтями.

На пороге, едва различимый в ярком сиянии, появился силуэт человека.

— Кто ты?! — щурясь, выкрикнул Данил.

Ответа не последовало.

Аня осторожно приподнялась и попыталась взглянуть в свет. Фигура стояла неподвижно, и в этой неподвижности было что-то знакомое. Она уже видела этого человека — безмолвного, одинокого, стоящего точно так же: на границе между светом и тенью.

Неизвестный вошёл в комнату. Прошёл мимо Данила, будто не замечая его, и тяжёлой поступью двинулся дальше.

Данил поёжился — от фигуры веяло ледяным холодом. Он попытался разглядеть лицо пришельца, но черты никак не складывались. Помехи — рябь, как на экране старого телевизора, — вились вокруг головы незнакомца, скрывая детали и затуманивая взгляд.

Аня ещё сильнее прижалась к стене. Неизвестный продолжал идти, медленно и неуклонно, расталкивая ногами разбросанные вещи.

Он шёл прямо к Айзеку.

— Здравствуйте?.. — промямлил инженер, испуганный не меньше Ани.

Фигура остановилась в двух шагах от Айзека. Медленно, почти неестественно, она повернула голову в сторону Ани.

Свет из коридора частично озарил лицо. Девушка вскрикнула и прижала ладонь ко рту.

Это был её сосед по комнате — пожилой мужчина, немного старше её родителей. Но теперь его лицо исказили ужас и паника. Глаза вылезли из орбит, рот застыл в немом крике. Поверх черт лежали туман и статические помехи: они то скрывали лицо, то вновь показывали его. Из тела мужчины, как наросты, торчали воткнутые устройства.

Он смотрел прямо на Аню — вытаращенными от ужаса глазами, с мольбой, с немым отчаянием. Губы медленно раскрывались и смыкались. Он пытался закричать, но не мог. Будто звал её на помощь.

Сосед резко повернул голову к Айзеку. Его рука, словно дёрнутая за невидимую нить, взметнулась вверх. Пальцы растопырились, вытянулись, как когти, и нацелились прямо в горло инженеру.

Резкий удар обрушился на голову незваного гостя. Данил, схватив попавшуюся под руку настольную лампу, бросился на соседа.

Айзека осыпало осколками стекла и кусочками пластика. Но сосед даже не дрогнул. Данил тяжело дышал, оскалив зубы, сжимая в руке покорёженный остов лампы.

И вдруг — рывок.

Сосед с нечеловеческой скоростью кинулся на Данила и сбил его с ног. Они рухнули на пол. Данил пытался увернуться, но нападавший оказался слишком силён. Он прижал парня к металлическому покрытию, которое скрипнуло под их весом. Холодные пальцы сомкнулись на горле Данила и начали сжиматься.

Айзек отшатнулся от схватки. Он заохал, но не бросился на помощь, а начал лихорадочно искать что-то в одном из перевёрнутых шкафов, откидывая в сторону всё, что попадалось под руку.

— Что вы делаете?! Помогите ему! — закричала Аня. Но Айзек будто не слышал: его руки продолжали перебирать обломки, лицо оставалось сосредоточенным.

Аня сжала кулаки. В следующую секунду она схватила металлическую ножку от сломанного стола и, закричав, бросилась к нападавшему. Замахнулась и изо всей силы ударила соседа по спине.

Ножка в её руках отозвалась глухим звоном, будто удар пришёлся по железному сейфу. Металл отскочил, оружие вылетело из пальцев.

Но это сработало. Сосед ослабил хватку. Данил закашлялся и начал жадно хватать воздух.

Существо обернулось. Его взгляд остановился на Ане. Он потянулся к ней обеими руками.

Аня инстинктивно закрыла лицо локтями и села на корточки.

— Данил! — крикнул Айзек. — Лови!

Данил с трудом поднялся, ещё задыхаясь, но успел сгруппироваться: Айзек метнул в его сторону посох Проводника.

Рукоять, знакомая до мелочей, легла в ладони. Но одного посоха было мало — для активации требовалась маска. Следом Айзек швырнул и её: старую, потёртую, с разбитым окуляром в одной глазнице.

Данил одним движением надел маску и защёлкнул крепление на затылке.

Щелчок. Внутри всё стало другим: резкость, звуки, даже воздух. Он развернул телескопический посох — тот вспыхнул ярким синим светом. По навершию побежали искры, электрические разряды затанцевали в напряжении.

Не теряя ни секунды, Данил рванул вперёд. Он атаковал с размаху: сначала удар в подколенное сухожилие, заставивший врага согнуться, потом — скользящим движением — удар по голове.

Сработало.

Разряд пробежал по телу нападавшего, заставив его пошатнуться. Воткнутые в тело устройства зашипели. Тот издал странный, сдавленный звук и отступил на шаг.

Данил продолжал наступать. Аня отползла чуть назад, стараясь не путаться под ногами. Девушка, широко раскрыв глаза, наблюдала, как Данил почти машинально орудует посохом, отгесняя противника и не давая ему приблизиться.

Если бы на месте врага был обычный человек, тот давно бы лежал без сознания. Но это существо почти не чувствовало боли. Только застывший ужас в его глазах напоминал: внутри всё ещё есть кто-то живой. Кто-то, кто не может кричать и сопротивляться.

Его волю сломали, тело подчинили, а сознание оставили в ловушке.

Противник начал перехватывать инициативу. Он угадывал движения, предвосхищал удары выдыхающегося Данила. Здесь увернулся, там отступил — и вдруг нанёс резкий удар кулаком в бок.

Кулак врезался в рёбра — Данила отшвырнуло назад. Он едва удержался на ногах, тяжело дыша сквозь маску.

Аня лихорадочно огляделась, на ощупь перебирая обломки и хлам вокруг, надеясь найти хоть что-нибудь, чем могла бы помочь. Данил долго не протянет.

Существо двумя руками перехватило посох Данила. Они застыли в клинче. Данил зарычал, пытаясь вырвать оружие, но хватка противника была мёртвой.

Руки Ани дрожали, но она продолжала искать. Не найдя ничего подходящего, она нахмурилась, подняла кулаки над головой и уже собиралась броситься на подмогу, как вдруг её остановил крик:

— Стой!

На полушаге её оборвал скрипучий, до боли знакомый голос.

— Серёжа, фас!

Аня застыла. Открыла глаза — и замерла.

Между ней и Данилом стояла высокая, невероятно худая фигура. Она двигалась неестественно: будто каждая конечность работала сама по себе. Переставляя ноги и вода руками, существо приблизилось к противнику со спины и так же плавно заключило его в объятие.

Мгновение — и обезумевший сосед исчез. Растворился в воздухе.

Воцарилась тишина.

Данил рухнул на спину и, задыхаясь, попятился от странного великана.

— Ну-у-у... теперь вы мне должны не только мой Кукольный дом, но и дачу в придачу. И «Приору» из салона, — раздался безошибочно узнаваемый голос.

Аня обернулась.

В проёме, облокотившись на дверной косяк, стоял Лаваль. От его руки тянулся длинный кабель, как поводок, уходивший к спине странной фигуры. Кабель заканчивался у лопаток — точно вшитый в плоть.

— Данилка, Анечка и... — Лаваль прищурился, злобно прошипел по слогам: — То-ген-берг... Р-р-р, как же я тебя ненавижу.

Он усмехнулся и гордо шагнул в комнату, приподняв подбородок.

— Скажите кукле Серёже спасибо. Мой проект только что спас ваши никчемные шкуры. И душонку этого презренного нытика Тотенберга.

Лаваль театрально поклонился.

Аня тяжело дышала. Данил не пытался встать — он всё ещё лежал, нацелив наверх посоха на Серёжу. Айзек стоял неподвижно, глядя то на Лавалья, то на его «куклу».

— Так... Думаю, этого должно быть достаточно, — задумчиво проговорил Айзек, нажимая на кнопку пожелтевшего системного блока. Загудела система охлаждения, раздался уверенный писк встроенного динамика.

Монитор перед инженером вспыхнул.

Айзек щёлкнул тумблером — свет в помещении переключился. Под потолком вновь загорелись редкие, дрожащие белые лампы, возвращая лаборатории хоть какое-то подобие порядка.

После того как Лаваль помог справиться с существом — как он выразился, растворившимся во времени от объятий Серёжи, — Данил и Аня завалили единственный вход в лабораторию тяжёлыми несгораемыми шкапами.

Лаваль поставил Серёжу на «стражу» у входа, не выпуская из рук тонкий кабель — «поводок».

Айзек тем временем молча собирал по частям то, что уцелело после «встряски». Провод за проводом, панель за панелью — он восстанавливал систему, надеясь получить доступ к сети.

— То-тен-берг, — сквозь зубы процедил Лаваль, вцепившись в пульт. — И как, прости господи, это нам поможет? Или ты просто изображаешь бурную деятельность, чтобы мы подумали, будто ты хоть на что-то способен? Не утруждайся. Мы и так знаем, что ты — бесполезный кусок мяса. И...

— Лаваль, — прошипел Айзек сквозь зубы, не оборачиваясь. — Помолчи. Я хочу выйти на связь. Ты мешаешь.

— О, посмотрите-ка! Он хочет выйти на связь! — воскликнул Лаваль, раскинув руки. — Да какие у тебя могут быть связи? Ты — жалкий счётовод, которого я заменю счётами и обезьянкой.

— Лаваль, заткнись! — взорвался Айзек, ударив кулаком по столу. Тут же зашипел от боли: ладонь пронзила резкая пульсация.

— Ахах, бедолага повредил свою самую рабочую руку, — завопил Лаваль с насмешкой. — Хочешь, я тебе подорожник принесу...

— Да хватит вам! — вспыхнул Данил, не выдержав.

Аня и Данил стояли в стороне, наблюдая за нелепой перепалкой. Данил возился с маской, пытаясь её снять, но замки не поддавались. Аня не отрывала взгляда от Серёжи — куклы, безвольно замершей у двери.

Этот день всё больше походил на кошмарный сон, который вот-вот должен закончиться. Но стоило Ане снова взглянуть на вытянутое, неестественное лицо Серёжи, как её бросало в дрожь.

Сон не заканчивался.

Кукла стеклянными глазами смотрела в сторону. Затем медленно подняла голову — и уставилась прямо на Аню.

Аня сделала шаг назад, но Серёжа продолжал следить за ней, плавно поворачивая голову. Потом поднял ногу и тяжело шагнул вперёд.

— Серёжа, *место!* Серёжа, *фу!* — завопил Лаваль, судорожно нажимая кнопки на пульте его поводка.

Но кукла не реагировала. Она приближалась к Ане, будто что-то внутри неё отключилось от внешнего контроля.

— Да чтоб тебя! — выругался Лаваль и вытащил из-за пояса толстую, туго свёрнутую инструкцию. Подбежав к Серёже, он начал стучать инструкцией по его ногам, еле дотягиваясь даже до пояса куклы.

— Плохой Серёжа! Плохой! А ну марш назад, к двери! — Лаваль с грохотом швырнул инструкцию в сторону, выхватил из-за пояса пистолет и, взведя курок, приставил оружие к бедру куклы. — Не вынуждай. Иначе снова придётся принимать таблетку.

Кукла подчинилась. Она отвернулась от Ани, попятилась и снова встала у входа — точно на то же место.

— Это какое-то безумие... — выдохнула Аня, наконец осознав, что происходило в лаборатории Лавалья в их первую встречу и в кого на самом деле был сделан выстрел.

Но сильнее её поразило другое: ни Айзек, ни Данил почти никак не отреагировали. Появление ручной куклы, подчинявшейся командам, будто не вызвало у них ни удивления, ни страха.

У Ани сложилось гнетущее ощущение: все в этой комнате уже настолько привыкли к странностям, что перестали обращать на них внимание. Чем абсурднее и страшнее становилось происходящее, тем обыденнее оно для них казалось.

— Чёрт, не получается, — пробормотал Данил, снова дёрнув защёлку у основания маски. Металл будто прирос к коже. От натуги по позвоночнику пробежала дрожь, и он отдёрнул руку, выругавшись сквозь зубы.

Он вытащил из ящика тусклое зеркальце в пластиковой оправе, посмотрел в отражение под углом и вдруг застыл.

— Айзек... — произнёс он медленно, будто сам не верил увиденному. — Это... Это же маска Двадцать Четвёртого.

Он развернулся и поднял голову. Взгляд у него был напряжённым.

— Я узнаю её, вот вмятина здесь, на щеке, разбитая линза. Айзек, откуда она у тебя? Я же только вчера принёс её с маршрута!

Айзек не сразу отреагировал — он был целиком сосредоточен на попытке восстановить интерфейс на экране. Но, услышав номер, застыл; пальцы зависли над клавишами. Медленно, с опаской, он повернул голову к Данилу:

— Мне её передали сегодня утром. Псы. Я отправлял сотни заявок на учёт техники, извлечённой из внешнего мира. И сегодня в списке — вот она. Пришла с почтой, как обычный артефакт.

Данил отступил на шаг, глядя в отражение, будто впервые увидел то, что было у него на лице.

Он помнил, как снял её с тела своего старого друга. Тот лежал, вцепившись пальцами в брусчатку, будто пытался удержаться в этом мире до последнего. Помнил, как осторожно отстегнул защёлки, ощущая ледяной металл, словно тот ещё хранил следы чужого страха.

А потом — как подключил и собрал все данные, которые успела зафиксировать маска. Всё это он передал Лизе всего лишь вчера вечером.

Как маску силой забрали Псы на пункте контроля и синхронизации Большого 'О'. И теперь эта самая маска была на нём. И не хотела сниматься.

— Она не снимается, — хрипло сказал Данил, всё ещё глядя в зеркало. Он потянулся к защёлке ещё раз — теперь осторожно, как будто боялся потревожить что-то чужое, что могло проснуться. Металл не поддался.

— Дорогой друг, — вмешался Айзек, заметив дрожь в голосе Данила. Он говорил мягко, но быстро, будто торопился отвлечь его. — С этим мы легко разберёмся. Сейчас главное... я почти получил доступ к сети...

Он нажал последние команды, и с хриплым писком вентиляторов экран ожил. На нём вспыхнула зелёная надпись: *СИНХРОНИЗАЦИЯ УСПЕШНА*.

— О! Есть контакт! — с облегчением выдохнул Айзек, но взгляда с Данила не сводил.

Данил, оставив тщетные попытки избавиться от маски, встал позади Айзека. Аня подошла следом и остановилась чуть поодаль. Лаваль же, не стесняясь, буквально навис над инженером, чуть ли не усевшись ему на колени, стараясь разглядеть, что тот делает.

На столе рядом с монитором лежало небольшое устройство, похожее на старое радио, от которого тянулись провода к системному блоку. Айзек перебирал пальцами по клавиатуре — с выверенной точностью, лёгким покачиванием плеч и сосредоточенным, почти вдохновлённым выражением лица.

— Пожалуйста... ответь, — прошептал он и аккуратно щёлкнул по клавише ввода.

Динамик на устройстве зашипел. Тишина. Никакой реакции.

— Пожалуйста, ответь... — повторил он тише, почти умоляюще.

Лаваль, всё ещё зависший сбоку, склонил голову, широко открыл рот и, не произнося ни звука, будто на сцене пантомимы, чётко, по слогам, с насмешкой «произнёс» губами:

— ХАЛ... ТУ... РА... — Его жёлтые, кривые зубы сверкнули в тусклом свете монитора.

— Айзек! — из микрофона раздался знакомый голос, полный тревоги.

— Лиза! — воскликнул Айзек, хлопнув в ладоши и подпрыгнув на стуле так резко, что Лаваль с возмущённым писком отлетел в сторону.

— Любовь моя, ты в порядке?! — Айзек схватил устройство обеими руками и поднёс его почти вплотную к губам. — Ты цела?

— Да, со мной всё хорошо, — голос Лизы прозвучал уже спокойнее. — А ты как? Ты один?

— Нет! — Айзек быстро огляделся. — Со мной Данил, твоя секретарь Аня и... Лаваль, — последнее имя он процедил сквозь зубы.

— Хорошо. Вас тоже тряхнуло?

— Ещё как. — Айзек выдохнул. — И это ещё полбеды. В мою лабораторию ввалилось... некто. Но нам удалось с ним справиться!

— Вы тоже с ними столкнулись? — удивилась Лиза. — Вы поняли, кто или что это?..

— Это был мой сосед по комнате, — тихо произнесла Аня. — Мы только вчера заселились, шли в одном маршруте. Но... это был он и не он одновременно.

— Будто они были на какой-то стадии превращения в Кукол... — задумчиво проговорил Данил.

Все в комнате невольно повернулись к Серёже — тот всё так же молча стоял у двери, недвижимый и зловеще безмолвный.

— Лаваль! Это твоих рук дело?! — голос Лизы, прозвучавший из устройства, внезапно стал грозным. Все, включая Данила и Айзека, рефлекторно втянули головы в плечи.

— Что? Нет! — взвизгнул Лаваль. — Какие беспочвенные обвинения! Я занимаюсь контролем Кукол, а не их... производством. Хотя... — он прищурился, задумчиво приложив палец к губам, — идея, безусловно, хороша. Могу даже предложить оригинальные названия для таких особей: «окуклившиеся», «куколки», «одержимые»... или, скажем, «куколды»!

Он усмехнулся, самодовольно обвёл взглядом окружающих.

— Хотя последнее, пожалуй, больше подходит для моих бывших партнёров и коллег...

— Что здесь происходит?! — рявкнул из динамика резкий мужской голос.

— Ох ты ж... — вытаращил глаза Данил. — Старший комендант Игорь Иванович?! Здравствуйте! А вы...

— Что это такое, товарищ Аналитик?! — перебил комендант, и его голос разнёсся по комнате, как раскат грома. — Это что, несанкционированный канал связи?! Это трибунал!

— Иваныч, заглохни! — резко вступилась Лиза. — Какой ещё трибунал, ты о чём вообще?! В комплексе происходит чёрт знает что, а ты тут про трибунал.

Повисла тишина. Никто не решался сказать ни слова.

— Кто говорит? — наконец после долгой паузы прозвучал голос коменданта.

— Инженер Айзек Тотенберг, — неуверенно промямлил Айзек и сглотнул.

— Товарищ Инженер, вы один?

— Со мной Анна Семёнова, Данил Просто и... Лефер Лаваль, — добавил он, нехотя выговаривая последнее имя.

— Хорошо, — ответил комендант, и в его голосе появилась деловая сосредоточенность. Он прокашлялся в кулак и продолжил: — Где вы сейчас?

— В моей лаборатории. Блок «Ё», помещение шесть.

— Отлично. — Ещё один короткий кашель, и голос стал жёстким, командным: — Тогда слушайте мою команду. В Комплексе произошёл инцидент, последствия которого нам пока

неясны. Связь с внешним миром потеряна. Я, товарищ Аналитик и часть сотрудников комплекса, включая агентов Протектора Единства Системы, изолированы в Блоке «А».

У Ани внутри поднялся холод. Что-то шло не так. Очень не так.

— Согласно плану Комплекса, вы находитесь недалеко от одного из пунктов управления и мониторинга в Блоке «К», на третьем уровне. Ваша задача — проникнуть туда, наладить внешнюю связь и отправить сигнал о помощи в Петербург-Н.

Он сделал паузу, затем отчётливо добавил:

— Товарищ Инженер, это ваша задача. Товарищ Проводник, ваша — обеспечить ему сопровождение и защиту.

Все слушали молча.

— Товарищ Секретарь и гражданин Лаваль, — продолжил комендант, — ваша задача — оказать помощь своим товарищам. Вам всё понятно?

— Так точно, товарищ комендант, — лениво отозвался Данил, чуть качнув головой.

— Выполняйте. Конец связи. — Шипение в динамиках оборвалось.

Айзек откинулся в кресле и посмотрел на Данила:

— Выходит, дорогой друг, пока рано снимать с вас эту маску.

Глава 4. Цикл

Сирена стихла, лишь изредка напоминая о себе протяжным завыванием. Под потолком многие лампы лопнули, некоторые тревожно мигали, отбрасывая рваные тени.

Группа медленно продвигалась по коридорам блока «Й». Данил шёл первым, за ним — Айзек, следом — Аня, а замыкал цепочку Лаваль, волоча за собой Куклу.

Аня сжала пальцы и снова подумала, чем сможет помочь, если на них нападут одержимые. Айзек наверняка достанет одно из своих устройств — уходя, он набил мешок всевозможным хламом. Данил ловкий и быстрый — сумеет постоять за себя. У Лавалья хотя бы есть Кукла и оружие. А у неё?

Она только плотнее прижала руки к бокам.

— Лаваль... — с тихим присвистом прошептал Айзек, не оборачиваясь. — Как ты вообще оказался в моей лаборатории? Ты что, шпионил за мной?

Аня чуть втянула голову в плечи и подалась вперёд. Лаваль шёл слишком близко — прямо за спиной; его тяжёлое дыхание горячо касалось её затылка.

— То-тен-берг... — прорычал Лаваль, перегнувшись через плечо Ани. — Искал выход из этой дыры. Если бы знал, что случайно спасу твою жалкую шкуру, то...

— То почему не пошёл своей дорогой дальше? — парировал Айзек.

— Потому что, Изя, логика требует участия. Где, по-твоему, искать самый короткий путь наружу...

— Тихо, — Данил оборвал начавшуюся перебранку. — Впереди кто-то есть.

Цепочка замерла. Он сделал осторожный шаг, выглянул из-за угла — и тут же резко отёрнул голову.

— Одержимые, — прошептал он. — Штук семь, может, десять. Лаваль, Серёжа справится?

— Вряд ли, — буркнул Лаваль, почесывая нос. — Видишь ли, после каждого приказа Серёжа начинает... «таять». Старина уже выдохся — пока добрался до вас, мы таких кренделей штуки четыре укокошили.

— Значит, ищем обход... — пробормотал Данил, обводя взглядом коридор.

Но вокруг — только глухие стены и чуть приоткрытые двери.

Данил аккуратно заглянул в одну, потом метнулся к другой и снова обратно.

— Думаю, сюда... — он кивнул в сторону комнаты номер двадцать пять.

— Там есть выход? — спросила Аня.

Она остановилась чуть позади и посмотрела на обычную дверь, за которой могло оказаться что угодно. Голос прозвучал тише, чем она рассчитывала.

Айзек и Данил вызвали доверие, но Лаваль... Лаваль казался настоящим отморозком. А за дверью могли ждать сотрудники 'О' — десятки, если не сотни таких же одержимых.

— Другие варианты такие же, — ответил Данил и снова посмотрел на ряд приоткрытых дверей.

Он коротко выдохнул. Последнее слово вышло тише, чем должно было.

— После вас, дорогой друг, — сказал Айзек, поджав губы, и жестом указал на дверь.

Данил сделал шаг, аккуратно толкнул створку и заглянул внутрь. Выдохнул и твёрдо шагнул вперёд.

За дверью тянулся узкий стеклянный тоннель.

До сих пор за каждой дверью Аня видела просторные залы с высокими потолками; здесь же стены сразу сомкнулись по бокам, а выгнутый свод уходил вперёд, теряясь в темноте.

Они шли уже, кажется, минут десять, но конца всё не было.

Посох Данила испускал слабое, мерцающее зелёное свечение. Оно едва ложилось на металлические плиты под ногами, отражалось в стеклянных стенах и сводах, дробилось мягкими всполохами и тут же гасло в полутени.

— А кто здесь работает? — прошептала Аня.

Голос едва слышно скользнул вдоль прозрачных стен, и Аня тут же замолчала.

— Не знаю, — отозвался Айзек. — В 'О' задействовано столько людей, что всех не перечесть. Мы здесь два года, но каждый раз, когда удаётся выйти за пределы лаборатории, встречаю кого-то нового. И, к сожалению, не всегда приветливого.

— Пришли, — прошептал Данил.

За его плечом сразу стало тесно: остальные подались вперёд, вытягивая шеи.

В конце тоннеля возвышалась массивная дверь из литого железа. Она стояла чуть приоткрытой, и из щели пробивалась тонкая полоска света — тёплого, живого, совершенно нездешнего.

Данил крепче перехватил посох, взялся за ручку и потянул. Дверь с тихим скрежетом поддалась.

Свет ударил Ане в глаза. Она зажмурилась; после долгого полумрака подземных уровней он резал почти больно. Следом её коснулся свежий воздух — с запахом листвы, земли и открытого неба.

На лицах у спутников одна за другой проступили улыбки.

— Ох, как же я давно не выходил на свежий воздух! — воскликнул Айзек, раскинув руки. — Как же давно не чувствовал тепло солнца!

— Идём, — проговорил Данил.

Уголки его губ дрогнули, но он тут же отвернулся к проходу.

Они вышли в странное место. Пространство напоминало колодец, выложенный из красного кирпича, метров тридцать в диаметре. Ни окон, ни дверей в кладке не виднелось — только гладкие округлые стены, уходящие вверх. Над головой раскрывалось чистое высокое небо, и солнце уже клонилось к горизонту.

Под ногами мягко пружинила короткая трава. Аня посмотрела вниз, потом снова подняла голову — к этому голубому, живому небу. На миг захотелось просто лечь на землю и смотреть вверх, не двигаясь.

Она обвела взглядом спутников. При естественном свете всё выглядело иначе. Данил слегка прихрамывал и заметно берег ногу. Айзек казался бледным, почти прозрачным; он щурился на солнце, но всё ещё улыбался. Лаваль, напротив, морщился и отворачивался от света, будто тот был ему неприятен.

Кукла стояла неподвижно и прямо. Солнце отражалось в её стеклянных глазах, придавая им призрачный блеск.

— Смотрите! — воскликнул Данил, указывая вперёд.

В самом центре кирпичного круга стояло дерево.

Аня не сразу поняла, что с ним не так. Ветви медленно двигались — не от ветра: они тянулись в стороны, меняли изгиб, будто сами выбирали, куда расти дальше.

Чем ближе они подходили, тем медленнее становились шаги. Аня поймала себя на том, что смотрит только на крону. Ветви шевелились так, словно для дерева время шло быстрее, чем для всего вокруг.

— Оно растёт... — прошептала Аня.

В тот же миг движение ускорилось. Ствол пошёл вверх, перерос кирпичные стены и потянулся к солнцу. На ветвях раскрывались цветы; лепестки срывались вниз, а на их месте наливались плоды, похожие на сизый инжир.

Листья начали желтеть и осыпаться. Плоды падали следом. Аня отступила вместе с остальными, но всё, что касалось земли, сразу рассыпалось в прах. Листья, плоды, лепестки исчезали, не оставляя следа.

Когда дерево сбросило последний лист, оно начало исчезать само. Кора осыпалась, ветви распадались в тонкую пыль, и ветер подхватывал её над травой. Через несколько мгновений от дерева ничего не осталось.

Но на том же месте из земли прорезался тонкий росток. Он медленно, упрямо тянулся к свету — и всё начиналось заново.

Тишину нарушил Лаваль.

— Можно бесконечно смотреть на четыре вещи... — хрипло начал он, загибая пальцы. — Как горит огонь. Как течёт вода. Как растёт это дерево. И... как лажает Тотенберг! Ах-ха-ха-ха!

Скрипучий смех ударил по кирпичным стенам, и странное оцепенение рассыпалось.

— И чё теперь, Проводник? — фыркнул Лаваль, бросив взгляд на Данила. — Тут тупик и бревно.

— Вас здесь быть не должно, — раздалось позади.

Голос был женский, тонкий и с заметной дрожью.

Аня вздрогнула и резко обернулась. Позади стояла невысокая женщина в некогда белом, теперь засаленном халате. Огромные очки с толстыми линзами закрывали почти половину лица, волосы были небрежно стянуты в пучок. Женщина прижимала к груди какое-то устройство и неотрывно смотрела на них сквозь мутное стекло линз.

— Простите за вторжение, коллега, — сказал Айзек раньше остальных. — Мы не хотели вас тревожить. Уже уходим. Заблудились, ищем выход.

Женщина дышала прерывисто. Руки дрожали, грудь резко поднималась и опадала, будто внутри сбился какой-то механизм.

Аня заметила на её запястье браслет заключённого — такой же, как у остальных. Пальцы сразу похолодели.

— Вы... не должны... его видеть... — прохрипела женщина.

Её трясло. Каждое слово выходило с усилием, с коротким хрипом.

— Отец... против... Мать против... Они вас не ждут...

— Всё хорошо. Мы уже ухо... — Айзек поднял руки в мирном жесте и медленно сделал шаг вперёд.

— Отец... Мать... Вам... за... пре... ще...

Женщина вдруг раскрыла глаза шире. Зрачки расширились, лицо перекошило, и в следующий миг она сорвалась на крик:

— Н-о-о-о-о!!!

Земля под ногами содрогнулась. Трава пошла волнами, как кипящая вода. Дерево на миг застыло — а затем ветви, как вспышки молний, метнулись к ним.

Аня едва успела пригнуться: одна из ветвей пронеслась в считанных сантиметрах от её головы. Данил отпрыгнул в сторону. Айзек не успел — тяжёлая ветка ударила его по плечу и отбросила на несколько метров. Он рухнул, неестественно скрутившись, очки слетели в сторону.

— Серёжа, фас! — рявкнул Лаваль, щёлкнув поводком, как кнутом.

Кукла сорвалась с места и бросилась на женщину. Но когда до неё оставалась всего пара шагов, та вскрикнула — и из земли перед ней вырвались корни. С глухим хрустом они ударили по Серёже и Лавалу, отшвырнув их к противоположной стене.

Ветви хлестали воздух. Плоды срывались и летели, как снаряды. Корни вздымались, извивались, били по земле. Данил, оказавшийся ближе всех к женщине, едва успевал уворачиваться.

ваться: катился по траве, отпрыгивал, но подступиться не мог — каждый шаг тут же встречал новый удар.

Аня, пригибаясь, бросилась к Айзеку, подхватила его под руку и помогла подняться.

— Надо бежать отсюда! — выкрикнула она, перекрывая грохот.

— Ох, как вы правы. Только... — Айзек не успел договорить. Между ним и Аней земля разошлась, и из-под неё вырвался огромный корень, пошёл к ним широкой петлёй.

— Ах ты, старая кошёлка! — верещал Лаваль, вытирая кровь с губы и скалясь от боли.

Он поднялся на ноги и вместе с Серёжей бросился обратно — к дереву. Но к тому моменту оно уже осыпалось, словно покрытое пеплом, теряя последние листья, плоды и ветви. Вокруг поднималась серая пыль.

Серёжа остановился рядом с тонким ростком, вновь пробившимся из земли. Под шёпот Лавалья он обхватил его обеими руками, сдавливая, словно хотел задушить, вырвать с корнем, как сорняк.

— Не-е-е-т! — завопила хозяйка древа, глядя, как Кукла впивается в ещё не окрепшее дерево, которое уже начинало расползаться по земле.

— Да-а-а-а! — выкрикнул в ответ Лаваль и оскалился, не сводя глаз с Серёжи.

Данил дождался короткой паузы, перехватил посох поудобнее и рванул вперёд. Занёс оружие над головой и бросился к хозяйке древа, когда до неё оставалось не больше пяти метров.

Та рухнула на колени. Грудная клетка судорожно двигалась, раздуваясь и сжимаясь всё быстрее — с каждым вдохом словно становилась больше, шире. И вдруг она завывала так, что Аня зажала уши, а Айзек скривился от боли.

В тот же миг дерево будто взорвалось изнутри. Ветви выстрелили вверх, пронзив Серёжу насквозь и подняв его над землёй. Древесина росла сквозь него, и на глазах он срастался со стволом. Лаваль, всё ещё державший поводок, взлетел следом, вскрикнув в воздухе.

Огромные ветви, как молнии, метались во все стороны. Они ломали кирпичную кладку, врезались в стены, вздымались к небу. Когда до хозяйки оставался всего метр, Данил уже собирался нанести удар, но одна из ветвей сбила его с траектории. Он ударился о стену, выбив из лёгких воздух. Тут же другая ветвь, извиваясь, как змея, обвилась вокруг шеи, натянувшись с силой — и начала душить.

Аня подняла глаза — и застыла. Лаваль вместе с Серёжей болтался в ветвях, дёргаясь и пытаясь освободить Куклу. Данил был прижат к стене; толстая ветвь туго стягивалась на его горле.

А Айзек уже копался в своей огромной сумке, выбрасывая устройства, инструменты, провода.

— Нашёл! — воскликнул он, выхватывая штуку, похожую на автомобильный аккумулятор с двумя длинными проводами. — Аня, помогай!

Он сунул ей один из проводов — на конце блестела тонкая острая игла.

— Возьми обеими руками и с силой воткни в корень! Быстро! Я займусь вторым!

Аня кивнула, сжала провод ладонями и, подняв иглу над головой, с криком вонзила в ближайший корень.

Игла отскочила, словно от камня. Даже царапины не осталось.

Айзек ударил вторым концом — тот же результат.

— Продолжай! — закричал он.

Они вместе принялись долбить по коре, вгоняя острия снова и снова, пока в воздухе не повис запах горелого металла.

Тем временем Данил задыхался. Каждый вдох становился короче. Он зарывал сквозь стиснутые зубы, выронил посох, схватился за душащую ветвь и со всей силы попытался её

разорвать. Ветвь не поддалась. Слишком крепко. Слишком мало времени. Он сделал ещё одну попытку — силы начали уходить. Руки повисли вдоль тела.

И вдруг — голос.

«Соб... ри...» — в динамике маски, сквозь шум помех, прорывался обрывок фразы.

Данил вздрогнул.

«Собери...» — уже чётче. Помехи рассеивались.

«Соберись.»

Голос звучал электронно, словно шёл издалека, но в нём проступали знакомая чёткость, стальной тембр, выверенность приказа. Данила передёрнуло.

— Что?.. — прохрипел он, почти теряя сознание.

«Соберись и действуй. Ломай стену за спиной. Делай.»

Теперь голос звучал ясно. Он узнавал интонацию — холодную, жёсткую, такую, которой привык подчиняться.

— Степан?.. — выдохнул Данил — и тут же пришёл в себя.

Он собрал остаток сил. Развернул плечи. Откинул голову. И с рывком начал бить кулаками в стену за спиной. Камень дал трещину. Он бил снова и снова — кирпич крошился.

А ладони Ани горели. Кожа лопалась, мозоли мгновенно превращались в кровоточащие раны. Но она не останавливалась: с каждым ударом кора крошилась всё сильнее — и вот игла с хрустом вошла до основания.

— Готово... — выдохнула она, глядя на свои окровавленные, дрожащие руки.

— И у меня! — отрапортовал Айзек, оттолкнув Аню в сторону. — Отходи!

Он схватил устройство, повернул пару рычагов, нажал кнопку и с силой отбросил его от себя.

Сверкнула вспышка.

Дерево начало чернеть — будто горело изнутри, будто кто-то поджёг его в самом сердце. Хозяйка древа завопила ещё громче; голос сорвался в сиплый вой.

Ветви затрещали и начали осыпаться. Листья взвились вихрем, закружились в воздухе. Всё рушилось.

Лаваль с Серёжей сорвались с высоты и с криком рухнули вниз.

В этот же миг хватка ветви на горле Данила ослабла. Он жадно вдохнул, затем, собрав остаток сил, резко откинулся назад и мощным ударом проломил спиной стену. Камень осыпался — и он провалился в тьму за ней.

Аня тем временем помогала Айзеку впопыхах закидывать вещи обратно в заплечный мешок. И вдруг замерла — услышала:

— Сюда!

Данил высунулся из пробитой в стене дыры, потирая шею.

Аня и Айзек бросились к нему. Позади, прихрамывая и подгоняя ставшего почти прозрачным Серёжу, плёлся Лаваль.

— Не-е-е-т! Не-е-е-т! Убийцы! Вы убили его! Уб-и-и-или-и-и! — кричала хозяйка древа. Голос разносился по кирпичному колодцу, срывался, отражался от стен. — Отец уничтожит вас! Он уничтожит вас!

Лаваль остановился у края проёма, обернулся и глянул на неё с холодной усмешкой.

— «Нет, нет, убийцы, вы убили его, убили...» — передразнил он, корча рожи. — Давай, иди, целуйся со своими дровами и углём!

Он плюнул на землю и шагнул в темноту за остальными.

Группа шла молча. Они оказались в коммуникационном тоннеле: вдоль стен тянулись трубы, от которых веяло холодом и сыростью, над головой рядами ползли провода, издавая монотонный гул.

Аня прятала содранные ладони под мышками. В ушах звенело, сердце стучало часто и больно, отдавая в голову.

— Какая эмоциональная оказалась дама, — прервал молчание Айзек.

— Эмоциональная?! — вспыхнул Лаваль. — Истеричная эко-активистка, драная кошка! Фу!

Лаваль ударил кулаком о стену, выпуская пар и тут же как ни в чем не бывало спросил.

— И что это за Отец?

— Ни разу не слышал, — пробубнил Данил.

В голове до сих пор стоял голос Двадцать Четвёртого. Данил не был уверен, слышал ли его на самом деле, поэтому только мотнул головой и продолжил внимательно следить за маршрутом.

— А я думаю, она просто одинока, — сказала Аня, проигнорировав последний вопрос.

Перед глазами снова встали её дрожащие руки, браслет на запястье и взгляд, обращённый к дереву. Отвращения не было.

— Она и вправду одинока, — раздался глухой, чужой голос за их спинами.

У Ани по коже прошёл холод. Она медленно повернулась. Остальные тоже обернулись.

В середине, на поводке, стоял Серёжа. Он почти растворился после схватки с деревом, но теперь стоял, опустив руки, и смотрел сквозь них.

— Серёжа, это ты сказал? — после паузы спросил Лаваль.

— Я, — тем же чужим голосом ответил Серёжа. В тоннеле стало тихо.

— Серёжа, дружок, а как ты... а почему ты... — Лаваль, кажется, впервые в жизни подбирая слова, глядя на Куклу так, будто видел её впервые. — Ты нас понимаешь? Да, понимаешь... но как?

— Дерево, — ответил Серёжа.

— Да, видимо, дерево... что дерево? — Лаваль повернулся к остолбеневшим спутникам. — Вот это — удивительно. А одинокая овца — не удивительно.

Он внимательно оглядел Серёжу. Тот не сдвинулся ни на миллиметр.

— Серёжа, иди за мной. Не отставай. Не теряйся. Ты уникален, ты... первая кукла, которая...

— Я не кукла, — отрезал Серёжа.

— Конечно нет, — быстро согласился Лаваль. — Конечно. Ты больше. Намного больше. Иди за нами, дружок, иди.

Серёжа кивнул. Группа двинулась дальше, вглубь тоннеля.

— Очень похоже на блок «К», — задумчиво произнёс Данил, сидя на корточках и глядя сквозь решётку в полу.

Они петляли уже минут сорок. Тоннель проходил над несколькими блоками, и Данилу приходилось делать короткие остановки: приседать у решёток, всматриваться вниз, сверять коридоры, двери и разметку на стенах. После нескольких переходов он наконец решил, что они добрались куда надо.

— Ты уверен, дорогой друг? — вкрадчиво спросил Айзек и покосился в тёмный проём под решёткой.

Данил уже собирался ответить, но за его спиной раздался ровный, чужой голос:

— Да, это он.

Серёжа до этого молчал всю дорогу и просто шёл за Лавалем на поводке. Теперь он сидел неподвижно и смотрел в пол, будто видел сквозь бетон. Аня рядом вздрогнула. Айзек замер с приоткрытым ртом.

— Серёжа, дружок, у меня к тебе столько вопросиков... — встрепенулся Лаваль. — Откуда ты это знаешь? Что ты ещё знаешь? Что помнишь?

Серёжа вместо ответа безмолвно смотрел на Лаваль.

— Ну... — начал Данил и снова перевёл взгляд на решётку. — Тогда идём, если никто не возражает.

Айзек открыл мешок и достал компактный электрический шуруповёрт. Несколько секунд — и решётка легко поддалась.

Данил осторожно выглянул вниз.

— Вроде чисто, — сказал он и, опираясь на края люка, ловко скользнул вниз.

— Только после вас, профэ-э-э-ссор Тотенберг. Только после вас, — с театральным поклоном пропустил Айзека вперёд Лаваль.

Айзек спрыгнул следом, захватив мешок. За ним спустилась Аня.

Она приземлилась рядом с Айзеком. Тот с трудом поднимался с колен, отряхивая пыль с халата и комбинезона — за время скитаний по тоннелям её накопилось предостаточно.

Последними, с кряхтением и звоном поводка, в коридоре оказались Лаваль и Серёжа.

— Туда, — Данил указал посохом вглубь коридора. — Пункт должен быть где-то там...

— Нет, не там, — раздался голос Серёжи.

Он поднял руку и указал в противоположную сторону.

— Там.

Данил посмотрел сначала туда, куда собирался идти сам, потом на Серёжу. Спорить с этой внезапной уверенностью оказалось трудно. Он коротко кивнул и пошёл туда, куда указывала Кукла.

И действительно — за углом обнаружилась массивная, запечатанная дверь с табличкой: «Управление». Металл потемнел, по кромке тянулись грубые швы, словно дверь закрывали не на замок, а на совесть.

Данил дёрнул ручку — заперто. Поднёс пропуск к валидатору — короткий писк, красный сигнал.

— Будем ломать? — спросил он, оборачиваясь к остальным.

Пальцы на посохе сжались сами собой. Слишком много времени уходило на чужие двери и чужие решения.

— Я бы для начала постучал, — возразил Айзек и размеренно постучал три раза.

За дверью послышались осторожные шаги. Кто-то пробормотал что-то неразборчивое.

— Здравствуйте? — позвал Айзек, но ответа не последовало.

Он прижал ухо к двери, закрыл глаза. Данил смотрел на него, не отпуская посох. Через несколько секунд Айзек выпрямился и кивнул: слышит.

— Если вы не откроете, — громко сказал он, — нам придётся выбить дверь, а этого мы хотели бы избежать!

В ответ — тишина. За дверью будто замерли, задержав дыхание.

В конце коридора прокатился рёв. Лампочки замигали, и тени на стенах дрогнули, будто по бетону прошла волна.

Аня вздрогнула. Данил сразу повернулся к тёмному тоннелю. Рёв повторился — ближе, яростнее. О деликатности можно было забыть: Данил развернулся и ударил каблуком в дверь. Айзек отпрянул в сторону, Лаваль бросился рядом и тоже навалился на створку.

На дальнем конце коридора показалась фигура. Кто-то бежал изо всех сил — спотыкаясь, почти падая, но не сбавляя темпа.

— Лиза? — прошептал Айзек, прищуриваясь.

В приближающейся фигуре проступал знакомый силуэт.

— Лиза! — выкрикнул Айзек, и тут же глаза у него расширились.

Лизу нагоняло нечто. Десятки одержимых слились в единый бесформенный поток, похожий на мифическое морское чудовище.

Их тела перетекали друг в друга, как внутри гигантской резиновой перчатки, и этот живой ком катился по коридору, подминая воздух и свет.

— К чёрту! — выругался Лаваль и, выхватив из-за пояса пистолет, сделал несколько выстрелов в район замка.

Данил едва успел отдёрнуться от рикошета. Металл звякнул, замок хрустнул — дверь открылась.

Первым в комнату управления влетел Лаваль, за ним — Серёжа. Аня на секунду замялась в проёме. Данил схватил её за плечо и втокнул внутрь. Айзек уже рванул навстречу Лизе.

— Айзек, внутрь! — рявкнул Данил.

Инженер не слушал.

Лиза была уже рядом. Она махала единственной рукой, показывая им укрыться в комнате. Нечто оставалось в нескольких шагах от неё.

Данил схватил Айзека за воротник и швырнул внутрь. Затем в три прыжка добежал до почти обессилевшей Лизы, перехватил её за плечи и одним резким рывком выдернул из-под удара.

Они вместе влетели в комнату управления.

Дверь за их спинами с шумом захлопнулась.

Серёжа и Лаваль упёрлись в дверь всем весом, удерживая створку. Айзек и Аня уже тащили тяжёлый шкаф, чтобы забаррикадировать вход.

— Это что ещё за хреновина?! — заверещал Лаваль, прислушиваясь к булькающим звукам с той стороны.

— Не знаю... — задыхаясь, ответила Лиза. — Оно... оно... появилось, когда... я оказалась... в блоке «З»...

— Елизавета, как ты? Ты не ранена? — Айзек суетился рядом с ней. — Что случилось? Почему ты вдруг здесь?

Он продолжал засыпать её вопросами. Руки у него дрожали.

— погоди... — Лиза сделала глубокий вдох. — Успокойся, Айзек. Просто успокойся.

Данил тяжело дыша перевёл взгляд на Аню. Она стояла в стороне; плечи всё ещё дрожали, глаза оставались широко раскрытыми, будто коридор с ревушей массой всё ещё был перед ней.

Из-за двери доносилось клочкотание; даже с баррикадой, даже под весом Серёжи, створка время от времени вздрагивала.

Он подошёл и протянул флягу.

— Выпей.

Аня кивнула и приняла флягу, но пить не стала. Вместо этого огляделась по сторонам.

Данил тоже наконец рассмотрел помещение. Стены были увешаны десятками дисплеев; на экранах дрожали схемы, строки и кадры с камер. Посреди комнаты стояло кресло. На одном из подлокотников крепилась клавиатура.

Рядом с креслом лежал человек без сознания. По виску у него тянулась тонкая полоска крови, и под головой уже успела собраться маленькая лужица. Аня побледнела и отвернулась.

— Это ты его так? — резко спросил Данил у Лавали.

Лаваль подошёл к лежащему и небрежно ткнул его кончиком ботинка.

— Да всё с ним в порядке, — бросил он и вытер остатки крови с рукоятки пистолета. — Он первый начал. «Кто вы?», «Что вы тут делаете?», «Покиньте помещение»... Зануда.

Лиза выпрямилась. Айзек аккуратно, почти бережно помог ей подняться на ноги; колени у неё всё ещё дрожали после погони.

— Дорогая... моя дорогая... Что случилось? Почему ты оказалась здесь? Ты же могла погибнуть! — голос Айзека сорвался.

— Выбор невелик, знаешь ли, — устало ответила Лиза. — Сидеть в замкнутом пространстве с Иванычем и кучей его подпевал, которые соревнуются, кто лучше поцелует его в задницу, или выбраться в это адское место... По-моему, выбор очевиден.

— Это глупость, — упрекнул её Айзек.

— А ты бы сидел, наверное, ровно, если бы я застряла в компании двух недомерков и старого клоуна посреди неизвестно чего? — Лиза обвела взглядом комнату управления и уставилась на куклу Лавалья. — А это ещё что?

— Серёжа, — ответили почти хором.

— Ну ладно, — Лиза несколько секунд смотрела на Куклу, потом коротко кивнула. — Хорошо. Так какой у нас план?

Данил заметил, как Аня перевела взгляд с Лизы на Серёжу и обратно. На её лице осталось немое недоумение: Лиза приняла происходящее слишком спокойно.

— Сперва пошлём сигнал о помощи, доложим коменданту... — начал перечислять Данил.

— И по домам, — закончил Лаваль. — Я не собираюсь дальше гнить в этой дыре. Мы с Серёжей сваливаем.

— Не смейся. — Лиза щёлкнула ногтем по его наручнику. — С этой штукой ни ты, ни я, никто из нас далеко не уйдёт.

Лаваль прищурился и сплюнул. Данил посмотрел на свой браслет. Возразить было нечем.

Айзек с Данилом оттащили бедолагу, попавшего под удар Лавалья, к стене и устроили его поудобнее: прислонили спиной к бетону. Айзек сел в кресло у пульта и принялся за работу — быстро, уверенно, будто знал систему наизусть.

— Сигнал послан, — отчитался он, когда на одном из экранов загорелся зелёный восклицательный знак. — Посмотрим, что вокруг...

Дисплеи замигали, и на каждом, один за другим, поплыли кадры с камер наблюдения. Айзек листал изображение за изображением, выискивая нужное.

На экранах комплекс выглядел жутко. По коридорам бродили одержимые. Нечто, преследовавшее Лизу, утекло в сторону блока «И», растворившись в темноте переходов.

— Часть камер не работает... — сказал Айзек, не отрываясь от экранов. — Но.. Нужно только время.

Пока Айзек возился с настройкой, Данил опустился рядом с Аней. Она незаметно сползла по стене и сидела, обхватив колени руками, уставившись в пол.

— Как ты? — осторожно спросил Данил.

— Нормально, — ответила Аня, не поднимая глаз.

— Не переживай. Всё будет хорошо. Мы выберемся, и всё станет как раньше.

Аня в ответ промолчала.

— Знаешь, когда я впервые оказался в похожей ситуации... — продолжил Данил. — Когда мы со Степаном сбежали из Петербурга-6. Я тогда подумал, что уже не смогу жить по-старому. Что всё, к чему привык, за один момент превратилось в чужую жизнь.

Он постучал пальцем по маске.

— Но жизнь не остановилась. Просто вместо старых привычек и прежнего понимания мира пришли новые. Стало ли от этого легче? Нет. Счастливее я тоже не стал.

Данил крутил в руках посох, разглядывая его наверх.

— Я уже четыре года не видел брата. А последние три цепляюсь за любую возможность найти его... но иногда кажется, что я бьюсь об стену, и всё, что делаю, вообще не приближает меня к нему.

— Ты поэтому ищешь то убежище... Псков-1, вроде? — спросила Аня.

— Да. Он должен быть там. Ну или хотя бы — там должна быть информация, где он может быть.

Аня подняла голову и посмотрела на железную маску, покрытую тёмной, местами облупившейся краской. Потом опустила взгляд на свои содранные ладони и сжала пальцы.

— А что такого в этом убежище?

— Мне сказали, когда его увозил санитарный конвой, что это «лечение». А потом я узнал от Айзека: когда он там работал, Псков-1 был чем-то вроде фундамента, на котором строились технологии и порядки СЦУ и... 'О'. Почему и каким образом с этим связан мой брат — я не знаю.

— Прости.

— Да всё нормально. Это ты меня прости, что мы втянули тебя во всё это, — Данил потянулся, чтобы похлопать её по колену, но на полпути остановился и убрал руку.

— Если бы не вы... возможно, я стала бы одной из этих. А может — чего ещё хуже, — Аня осеклась и посмотрела на дверь.

— Друзья! — воскликнул Айзек, резко указывая на один из дисплеев. — Смотрите!

Данил вскочил и встал за спиной Айзека. Аня поднялась следом. Лиза тоже подалась вперёд, пытаясь разглядеть, что нашёл муж. Лаваль, задремавший у стены, дёрнулся, ойкнул, протёр глаза и, причмокивая, уставился на экран.

Айзек лихорадочно застучал по клавишам — изображение увеличилось, развернулось на половину стены.

Сквозь рябь помех и зерно плохой камеры проступали две фигуры: профессор Сейфуллин и его лаборант. Профессор, тяжело переставляя ноги, шагал, опираясь на трость, а лаборант держал его под руку.

— Где это? — спросил Данил.

— Шестой уровень, Блок «Ф», лаборатория семь, — отмахнулся Айзек и тут же резко вытянул руку, ткнув пальцем в экран. — Вот!

Позади профессора появилась ещё одна фигура — помятый дешёвый костюм, зачёсанные назад волосы, лицо, знакомое слишком хорошо.

— Эхо, — выдохнули Лиза и Данил почти одновременно.

Айзек начал переключать камеры, пытаясь поймать их маршрут. Эхо шёл следом, в руке поблёскивал револьвер. Иногда он тыкал им профессору в спину и что-то говорил — будто объяснял, будто уговаривал или диктовал.

— Куда он его ведёт? — спросил Данил, не ожидая ответа.

На следующем кадре троица остановилась у неприметной двери. Эхо что-то говорил. Сейфуллин, по жестам, яростно спорил. Потом Эхо на мгновение задумался — и экран рванул вспышкой. Лаборант, державший профессора, рухнул на пол. Ещё вспышка — трость вылетела из рук Сейфуллина и переломилась пополам.

В комнате никто не шелохнулся. Профессор, похоже, сдался и открыл дверь. Эхо ткнул дулом, приказывая идти первым. Сейфуллин подчинился. Эхо шагнул следом.

— Переключай, переключай! — сорвался Лаваль, и голос у него дрогнул.

— Не понимаю, где они... не понимаю, куда они идут... — Айзек лихорадочно искал нужную камеру, но кадры шли один за другим и не давали зацепки.

— Что происходит? — рядом тихо спросила Аня. — Кто это?

— Дьявол... — выдавил Данил шёпотом.

Изображение снова сменилось. Айзек на секунду перестал нажимать клавиши.

На экране появилась бетонная площадка. В конце стояла кирпичная стена с единственной дверью — такой же, как та, через которую попадали в Большое 'О'.

Кадр поймал профессора Сейфуллина в тот момент, когда он вошёл в эту дверь. На пороге стоял Эхо, разглядывая покосившуюся, покрытую ржавчиной вывеску.

Потом Эхо медленно повернул голову и посмотрел точно в камеру. Он расплылся в улыбке и подмигнул, после чего скрылся во мгле дверного проёма.

Данил попытался что-то сказать, но из горла вышел только сдавленный хрип. Он ткнул пальцем в покосившуюся табличку, не отрывая от неё взгляда.

Аня вслух прочитала ветхую надпись в кадре:

— Псков-1.

Какое-то время Данил стоял перед экраном и смотрел на подёргивающееся изображение. Тёмный проход, в котором растворились Эхо и профессор Сейфуллин, мерцал на дисплее, бросая неровные блики на лица. Ржавая табличка с надписью «Псков-1» отражалась в линзах его маски.

— Вы тоже думаете, что это всё его рук дело? — произнесла Лиза. — Инцидент, авария... одержимые?

— Не удивлюсь, если так, — ответил Айзек, снимая очки и потирая глаза. — Слишком уж «удачное» совпадение.

— А Псков-1... здесь? Серьёзно? — Лиза провела ладонью по лицу. — Не сходится.

— Я должен там оказаться, — твёрдо сказал Данил. — Я должен идти за ними.

— Подождите, дорогой друг, — Айзек поднялся с кресла. — Сначала надо понять, что происходит, и только потом действовать. Иначе... даже представить страшно, чем это обернётся.

Данил кивнул. Пальцы на посохе сжались так, что побелели костяшки.

— Ладно, — Лиза начала ходить по комнате, меряя её шагами. — Допустим, Эхо сюда как-то проник. Допустим, сделал что-то, от чего часть сотрудников комплекса посходили с ума, чтобы поднять панику и хаос — это в его стиле. Значит, ему здесь что-то нужно. Он не полез бы сюда просто так... Но Сейфуллин-то ему зачем?

— О-о-о... — протянул Лаваль. До этого он молча скалился, едва на экране показался Эхо. — Этот динозавр полон сюрпризов. Когда я только сюда попал, два года назад, я наивно считал, что он давно сдох, а тут выясняется — живее всех живых. Хех.

Все в комнате повернулись к нему.

— Ещё до всего этого мне довелось поработать с этой рухлядью у нашей директорки. Чёрт, да он уже тогда нормально не ходил и не дышал, — Лаваль сморщил лоб, вытаскивая память, как занозу. — Но важности в нём хватало на десятерых. Он всё время секретничал и ходил с таким видом, будто вокруг детский сад, а он один занят чем-то настоящим — важным и очень секретным.

Данил слушал его и не отрывался от экрана. Ещё недавно Лаваль шутил, Айзек возился с техникой, Лиза держалась с упрямым спокойствием, Аня молча наблюдала за ними из угла.

Всё это держалось на привычном движении: очередная дверь, очередная опасность, очередное решение.

Теперь привычный порядок рассыпался.

Одного появления Эхо хватило, чтобы комната стала тише. Лиза перестала ходить. Айзек снял очки и больше не возвращался к клавиатуре. Лаваль скалился, но улыбка держалась на лице криво и зло. Данил смотрел на пустой проход с табличкой «Псков-1» и чувствовал только одно: за этой дверью мог оказаться ответ, который он искал так долго, и ловушка, из которой никто не выйдет.

— Айзек, — Аня повернулась к инженеру. — Вы же работали в Пскове-1. Почему вы не помогли Данилу раньше? Вы же должны помнить, где это место. И что оно вообще здесь.

— Ох, не всё так просто, моя дорогая, — Айзек ответил не сразу. — Понимаешь...

Лиза заговорила вместо него:

— Само существование убежища ещё не означает, что оно обязано оставаться тем, чем его задумывали. И тем более — тем, где его задумывали.

Аня нахмурилась и перевела взгляд на Айзека.

— Когда я работал там, это было около девяти лет назад, — сказал он после паузы. — Тогда Псков-1 находился очень далеко от Петербурга-Н. А теперь, если я всё правильно понимаю, Большое 'О' расположено в пределах Петербурга. И... Псков-1 физически не может быть рядом. Однако...

Он запнулся. Лиза снова взяла объяснение на себя:

— Большое 'О', как мне кажется, само по себе находится вне контекста времени, которое течёт за его пределами. Вполне возможно — и вне контекста физического пространства.

— То есть 'О' — это что-то вроде мира внутри мира? — спросила Аня, чуть подавшись вперёд.

— Примерно так, — кивнул Айзек.

Данил ходил по комнате, то и дело сжимая посох. Он не раз обсуждал это с Айзеком и Лизой — тема была знакомой, но теперь все старые разговоры вдруг получили другой вес.

— Тогда получается, что вход в Большое 'О' — это и есть вход в Псков-1?

— С этой точки зрения... думаю, да, а может и наоборот. — ответил Айзек. — Судя по тому, что мы сегодня увидели, это можно взять хотя бы как гипотезу.

У Данила перед глазами встал ряд плотно закрытых проёмов, тянувшихся вдоль стен каждого блока.

— Тогда брат может быть за любой из дверей? — спросил он. — Он всё это время мог быть рядом?... Просто надо было постучать?

— Это всего лишь гипотеза, дорогой друг, — Айзек аккуратно похлопал Данила по плечу. — Давай держаться плана. Мы не знаем, что может таиться за каждой из этих дверей.

— У нас больше шансов понять, когда мы доберёмся до «входа» Псков-1, — согласилась Лиза.